

БЛОКАДНЫЙ МЕТРОНОМ

63.3(2)722.72
Б 70

Литературно-художественный сборник воспоминаний

Сестрорецк
2011

Муниципальный совет
муниципального образования города Сестрорецка

БЛОКАДНЫЙ МЕТРОНОМ

Литературно-художественный
сборник воспоминаний

2011

27 января – Ленинградский День Победы!

**Дорогие ленинградцы-петербуржцы!
Уважаемые ветераны-блокадники!**

Минуло 65 лет со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Наш город заплатил за нее особую цену. 18 января 2011 года мы отметили 68-ю годовщину со Дня прорыва блокады, а 27 января вся страна отпразднует наш Ленинградский День Победы - День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады!

Мы живем в городе, который живым щитом встал на пути вражеских полчищ. Каждый метр земли здесь полит кровью его защитников. Сотни тысяч мирных жителей и воинов Ленинградского и Карельского фронтов, отстоявших город, погибших в боях за него, и сегодня являются самыми строгими нашими судьями. С полей сражений они шагнули в бессмертие, завещав нам бережно хранить русскую землю.

Работа над сохранением исторического наследия и военно-патриотическое воспитание - важное направление деятельности Муниципального совета города Сестрорецка. За последнее десятилетие выпущено более 15 краеведческих и патриотических изданий, посвященных памятным страницам в истории нашего города и края. Среди них сборник воспоминаний жителей Курортного района «Блокада. Сестрорецкий рубеж» и двухтомное издание «Непокоренный рубеж», выпущенные к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. В год 65-летия Победы совместно с администрацией Курортного района Санкт-Петербурга изданы буклет «Имена Героев Советского Союза на карте Курортного района» и брошюра «Они отстояли Отчизну» – о ветеранах войны, проживающих в Курортном районе. Депутаты Муниципального совета города Сестрорецка поддерживают творчество земляков. В 2010 году выпущен сборник стихотворений «Свет Победы», подготовленный поэтическим клубом «Лукоморье». С 2007 по 2010 годы увидели свет четыре сборника стихотворений участника Великой Отечественной войны Виктора Алексеевича Шурыгина. Творческие коллективы города Сестрорецка приняли участие в выпуске аудиодисков «Поем тебе, наш Сестрорецк!» и «Расскажите птицы», в которых дарят свои песни ветеранам и жителям города.

Литературно-поэтический сборник «Блокадный метроном» - еще один вклад в дело сохранения памяти о героической обороне города на Неве и о его жителях. В него включены воспоминания Почетных граждан города Сестрорецка Ольги Григорьевны Растворовой и Владимира Дмитриевича Яковлева, которые детьми пережили страшные блокадные дни и ночи. Впервые увидят свет рассказы «Нас было восемь» и «Невыдуманная история» из книги «Блокадно-фронтовой роман» жителя города Сестрорецка, блокадника Рашида Алиева. В сборник включено удивительное стихотворение в прозе «Сказка блокадного детства» Николая Андреевича Шлиппенбаха, писателя и журналиста, много сил отдавшего делу сохранения истории города Сестрорецка.

Мы благодарны старшему поколению за то, что они и сегодня в строю, за мудрость и бесконечную терпимость. Спасибо и низкий Вам поклон. Мы помним и скорбим об ушедших от нас ветеранах. Вечная им память.

Мы ясно понимаем, как важно передать правду и боль войны, радость Великой Победы новым поколениям, и сделаем для этого все, что в наших силах.

*Глава муниципального образования –
председатель Муниципального совета города Сестрорецка
А.В.ВИШНЕВСКИЙ*

*Глава местной администрации города Сестрорецка Д.Г.ВОДНЕВ
Депутаты Муниципального совета:*

*В.Н.АНИСИМОВ, А.А.ВАЙМЕР, М.М.ДЕРЕВЯНКО, Ю.М.ДОКИШ,
А.Н.КРИВЕНЧЕНКО, В.В.МАТВЕЕВ, Н.М.НАЧКЕПИЯ, В.А.ПАХРАМОВА*

*Председатель Совета ветеранов
Курортного района Санкт-Петербурга В.М.МИХАЙЛОВ
Председатель общества «Жители блокадного Ленинграда»
Курортного района Санкт-Петербурга Л.Я.ФОМИНА*

Юрий МЫЛЬНИКОВ,
зам. председателя районного Совета ветеранов
войны и труда, житель блокадного Ленинграда

И жизнью смерть была побеждена!

*Опять война, опять блокада,
А может нам о них забыть?
Я часто слышу: мол, не надо,
Не надо раны беречь.
Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война.
Ведь эта память - наша совесть,
Она как сила нам нужна.*

Ю.Воронов

Бег времени нельзя остановить. Прошло уже 67 лет с того незабываемого дня, когда враг был разгромлен у стен Ленинграда. День 27 января 1944 года стал нашим ленинградским Днем Победы. Подвиг Ленинграда бессмертен. Мировая история еще не знала подобного примера массового мужества и героизма, который проявили ленинградцы в годы блокады.

Битва за Ленинград была самой длительной и самой кровопролитной из всех битв Великой Отечественной и Второй мировой войны. Она началась 10 июля 1941-го и закончилась 9 августа 1944 года с завершением Выборгско-Петрозаводской операции. Битва эта продолжалась 1127 дней и ночей, в том числе 900 дней в условиях страшной блокады.

*Ленинградец душой и родом,
Болен я сорок первым годом,
Пискаревка во мне живет.
Здесь лежит половина города
И не знает, что дождь идет.*

С.Давыдов

Разрабатывая план «Барбаросса», руководство фашистской Германии особое внимание уделило быстрому захвату Ленинграда. С его падением кардинально менялась вся обстановка на советско-германском фронте, и захват Москвы был бы делом времени. По намеченному плану Ленинград должен был пасть в июле-августе 1941 года. Гитлер запретил своим генералам группы армий «Север» не только принимать капитуляцию города, но и пропускать через линию фронта мирное население. Защитников города ждала только смерть. Приказ Гитлера был краток: стереть Ленинград с лица земли.

В начале июля 1941 года немцы вышли на дальние подступы к городу. Лужский оборонительный рубеж, созданный за две недели руками женщин и подростков Ленинграда, задержал продвижение врага к городу почти на месяц. 8 сентября 1941 года пал Шлиссельбург, и наш город оказался в блокадном кольце.

Предпринятые командующим группы армий «Север» генерал-фельдмаршалом фон Леебом три попытки штурмом взять Ленинград с треском провалились с большими потерями для врага.

Назначение 10 сентября 1941 года Георгия Константиновича Жукова командующим Ленинградским фронтом сыграла большую положительную роль в превращении города в неприступную для врага крепость. Ленинградцы свято верили в свою победу над врагом.

Трехмиллионный город, лишенный продовольствия, тепла, электроэнергии и воды, не встал на колени. Ленинградцы хорошо понимали, что от их мужества и стойкости зависит судьба всей страны. Прекрасно передала эти чувства горожан поэтическая муза Ленинграда Ольга Берггольц:

*Я говорю: нас. Граждан Ленинграда
Не поколеблет грохот канонад,
И если завтра будут баррикады -
Мы не покинем наших баррикад.
Мы будем драться с беззаветной силой,
Мы одолеем бешеных зверей.
Мы победим, клянусь тебе, Россия,
От имени российских матерей.*

С сентября по ноябрь 1941 года в Ленинграде 5 раз снижались нормы выдачи хлеба, пока не достигли цифры: 250 г - для рабочих, 125 г - для всех остальных категорий жителей города. К декабрю 1941 года резко возросла смертность от голода, бомбежек и обстрелов. Трупы мож-

но было увидеть везде.

К 20 ноября в городе оставалось муки всего на 3 дня. Трасса, проложенная по льду Ладожского озера, спасла город от голодной смерти.

*Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знали на земле
Страшней и радостней дороги.*

О.Берггольц

Вначале лед был очень коварным. Немало машин ушло под лед на дно Ладоги. К массовой отправке стариков и детей по Дороге жизни приступили в начале января 1942 года. За первую блокадную зиму было вывезено их более полумиллиона. А в Ленинград было доставлено 361 тысяча тонн различных грузов, в том числе 142 тысячи тонн муки и зерна. Всего за период блокады было вывезено из города около одного миллиона человек.

Четыре попытки прорвать блокаду не увенчались успехом. Силы были еще не равны. И только пятая попытка, завершившаяся 18 января 1943 года, окончилась успешно. Блокада была прорвана. Ровно через год враг был полностью разгромлен, и жалкие остатки дивизий группы армий «Север» бежали в Прибалтику.

Знаменательная победа под Ленинградом имела огромное значение для успешного решения военно-стратегической задачи, поставленной Ставкой на весь 1944 год - полностью освободить территорию СССР от фашистских захватчиков. Велико было и политическое значение освобождения Ленинграда от блокады. Весть о поражении группы армий «Север» под Ленинградом быстро распространилась по всему миру. Подвиг Ленинграда трудно переоценить. Его роль в Великой Отечественной войне первым оценил Г.К.Жуков, сказавший, что первое стратегическое поражение германская армия получила под Ленинградом.

Сегодня Россия переживает сложные времена. Общество расколо-то. Нравственные ценности не в почете. У многих молодых людей нет настоящей любви к Родине. Золотой телец затмил все. Со страшной быстротой рвутся нити, связывающие одно поколение с другим. Призыв на военную службу молодежи стал для многих работников военкоматов настоящей головной болью. О военно-патриотическом воспитании молодого поколения много говорится, но еще, к большому сожалению, мало делается. Многие школьники имеют смутное, а порой и искаженное представление о великом подвиге советского народа, спасшего мир от фашистской чумы, о мужестве и стойкости ленинградцев.

*Всем, всем, чья память коротка,
Кто с толку сбит, напомнить надо:
Не смоет времени река
Высокий подвиг Ленинграда.*

А.Крючков

Сегодня западные историки, а порой и наши «прорабы перестройки», пытаются переписать заново историю Великой Отечественной войны и ленинградской блокады. Вышло немало публикаций, телепередач. Одна только передача по 5 каналу «Суд времени» чего стоит. И, несмотря на то, что каждый раз при подведении итогов голосования по той или другой теме ведущий программы господин Сванидзе получает минимум процентов голосов, эта передача продолжается с завидной регулярностью. По мнению большинства ветеранов, такие передачи приносят не пользу, а вред воспитанию подрастающего поколения. Сегодня России нужны настоящие патриоты, которым дорога честь страны, которые в минуту смертельной опасности, как один, встанут на ее защиту. Большинство средств массовой информации России слишком много времени уделяют пропаганде американского образа жизни и других западных стран, их культурным и духовным ценностям, системе образования и воспитания. До перестройки наша система народного образования считалась лучшей в мире, а сегодня она заменяется американской. Зачем? Западу не нужна сильная, процветающая Россия. Она нужна ему только как сырьевой придаток.

Прошло уже 67 лет. Выросло несколько новых поколений. Бессмертные строки Ольги Берггольц «Никто не забыт и ничто не забыто» должны стать не только поэтической формой, а программой действий для каждого руководителя, чиновника. Они должны постоянно жить в сердцах россиян и передаваться от поколения к поколению.

С каждым годом заметно редеем строй ветеранов Великой Отечественной войны и жителей блокадного Ленинграда. Сегодня мы отдаем дань памяти солдатам и офицерам Ленинградского и Волховского фронтов, морякам Балтийского флота, Ладужской флотилии, партизанам Ленинградской области, которые пали смертью храбрых, спасая наш любимый город. Их в общей сложности погибло около 1,5 миллиона человек.

Из ветеранов Великой Отечественной войны, живущих в нашем районе, воевали на Ленинградском фронте Геннадий Евстигнеевич Семенов, Александр Александрович Марейчев, Николай Павлович Дубровский, Владимир Александрович Максимов и многие другие. 22 декабря 1942 года была учреждена медаль «За оборону Ленинграда». 557384 жителя города были награждены ею. Сегодня их осталось чуть больше 40 тысяч человек. В нашем районе носят эту медаль всего 183 человека. 1300 человек, живущих в Курортном районе, награждены знаком «Житель блокадного Ленинграда».

Районный Совет ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов горячо и сердечно поздравляет всех ветеранов войны и труда, жителей блокадного Ленинграда, проживающих в Курортном районе, с нашим ленинградским Днем Победы!

От всей души желаем крепкого здоровья, бодрости духа, семейного благополучия и чистого неба над головой!

Владимир ЯКОВЛЕВ,
Почетный гражданин города Сестрорецка

На сестрорецком рубеже (отрывок из книги «Блокада. Сестрорецкий рубеж»)

Зима 1941-1942 годов жуткая, голодная и холодная. Морозы достигали 40 градусов. Представьте: вечером вы вернулись домой, включаете электрический свет, а света нет. Вместо электрической лампочки пришлось зажигать коптилку. Коптилка - это консервная банка, наполненная машинным маслом или керосином, и фитиль. Свету мало. Но зато много копоти. Захотелось помыть руки, а водопровод замерз. Туалет тоже не работает – замерзла канализация. Батареи в комнате холодные, центральное отопление не работает, надо разжигать «буржуйку». «Буржуйка» - это железная печка, дымоход выведен в форточку. От нее идет тепло, пока горят дрова. Захотелось позвонить по телефону, а телефон тоже не работает. Поезда и автобусы в Ленинград перестали ходить.

12 сентября произвели второе снижение продажи хлеба. Рабочие стали получать 500 г хлеба в день, дети – 300 г, а иждивенцы – 250 г. Теперь наша семья стала получать 1 кг 300 г в день и больше никаких продуктов.

Положение под Сестрорецком стабилизировалось, финны дошли до границы 1939 года. Враги начали регулярно обстреливать Сестрорецк из миномета зажигательными и фугасными минами. Обстрелу подвергались железнодорожный мост, вокзал, пекарня, территория завода и плотина.

10 сентября местными властями было принято решение: чтобы избежать ненужных потерь среди жителей - произвести эвакуацию населе-

ния до Водосливного канала. Эвакуировали в Лисий Нос, Ольгино и Лахту. Нашу улицу эвакуировали в Ольгино.

В Сестрорецк теперь пускали только по пропускам. Пропускной пункт был на плотине. В тот день, когда работала баня, за ее воротами был второй пропускной пункт, сейчас на этом месте автобусная остановка. В Сестрорецке оставались военные, милиция, железнодорожники и работники пекарни. Пекарня размещалась на том месте, где сейчас находится милиция. Работникам завода, кому по служебным делам необходимо бывать на заводе, выдали пропуска, такой пропуск получил мой отец. Он сумел в этот пропуск вписать меня, теперь в Сестрорецк я мог пройти только с ним.

Однако в Ольгино мы прожили несколько дней, так как немцы вышли на южный берег Финского залива, в район Петергофа, Ломоносова, и начали обстреливать Ольгино и Лахту из дальнобойных орудий. В этих поселках размещались воинские части. Мы оказались в еще более опасном положении, чем в Сестрорецке. Желающие получили разрешение возвратиться обратно. На другой день после разрешения мы вернулись, но не в Сестрорецк, а в Разлив на 3-ю Тарховскую улицу, в дом бабушки. Всю блокадную зиму 1941-1942 годов мы прожили здесь.

Жизнь в Разливе протекала относительно спокойно. О том, что идет война, постоянно напоминали пулеметные и винтовочные выстрелы, которые в Разливе были хорошо слышны. Когда по вечерам началась стрельба, мы с ребятами ходили на «Белую гору» наблюдать вспышки и слушать разрывы снарядов в районе Белоострова. Финны захватили Белоостров и предприняли наступление на Сестрорецк. В бой вступил Сестрорецкий истребительный батальон и помог нашим войскам удержать прорыв. Наши войска в этот же день отбили Белоостров у финнов. В дальнейшем финны не раз делали попытки завладеть Белоостровом, но все их усилия были напрасны. Всю блокаду Белоостров оставался нашим. После окончания войны в реке Сестре остались подбитые вражеские танки в результате боев за Белоостров. Эти танки мы рассматривали, когда ходили за грибами.

1 октября было произведено третье снижение нормы хлеба. Рабочие стали получать 400 г хлеба в день. Иждивенцы и дети – 200 г хлеба в день. Теперь наша семья стала получать всего 1 кг. Впервые стали испытывать чувство голода.

В начале октября замерз Разлив, а в середине месяца выпал снег. До войны, когда озеро замерзло, на лед выходили дети и взрослые кататься на коньках, салазках, финских санях, буере. Веселье на озере длилось до позднего вечера. На этот раз никого не было. Стояла полная тишина.

Небольшие запасы продуктов были съедены. От постоянного недоедания люди слабели, начинался голод. На Ленинград наступала первая блокадная болезнь - дистрофия. При дистрофии прекращалось всякое развитие - останавливался рост волос, ногтей и т.д. Наступала апатия ко всему, ничего не хотелось делать: ни писать, ни читать, ни гулять,

ни играть. Самое страшное, когда у дистрофика нарушалась психика.

Сестрорецкая баня стала работать один день в неделю. В этот день через первый пропускной пункт на плотине пропускали всех без пропусков. Этим днем мы с ребятами пользовались, чтобы попасть в Сестрорецк. Цель нашего похода - пройти на капустное поле за кочерыжками и хряпой. Этот поход мы прозвали «Операция хряпа». Путь следования у нас был такой: с Крестовской улицы (улица Мосина) через лаз в проволочном ограждении попадали на Крестовский переулок. Крестовскую улицу перебегали, когда оба часовых были к нам спиной. Дальше наш путь лежал по Крестовскому переулку, через железнодорожное полотно и дровяной склад, выходили на Дубковское шоссе около улицы Коммунаров. Город был совершенно пуст. На улицах, покрытых снегом, было много черных пятен, это были воронки от разрывов мин. Зашли в кинотеатр «Прожектор». На потолке увидели несколько пробоин, это были следы от фашистских мин. На улице вид просто ужасный: дома безжизненные, во многих окнах выломаны рамы, стекла разбиты, это дело рук хулиганов или последствия минометного обстрела. Многие дома вообще сгорели. Во дворах все разбросано, как после сильного погрома. Во дворах валялись столы, стулья, кровати и другое имущество. Жители, покидая свои жилища, бросили все найтое, считали, что они уходят из родных мест ненадолго, самое большее – на месяц, но получилось совсем не так. В первое время после ухода населения из своих домов были случаи мародерства, но их пресекала милиция и военнослужащие. Мы зашли в один из домов. На полу валялось много интересных книг дореволюционного издания Сойкина. Несколько книг Фенимора Купера, Майн Рида, Дюма, Жюль Верна мы взяли с собой для чтения, этими писателями мы тогда очень увлекались.

Наш путь лежал дальше. В конце Дубковского шоссе, по правой стороне, там, где сейчас садово-парковая контора, был совхоз «Ударник», а где концертный зал – было капустное поле, вот на это поле мы и шли. Капусту убрали, а кочерыжки и хряпа остались под снегом. Когда дошли до места, в канаве у нас была «исходная позиция». Подготовили топоры, вещевые мешки, через дыру в заборе ползком вышли на поле. По нему мы ползали по-пластунски, так легче было искать и срубить кочерыжки и, самое главное, чтобы нас не заметили солдаты, они стояли на другой стороне поля. Они нас выгоняли, если мы не уходили - начинали стрелять. Когда находили кочерыжку, расчищали снег, топориком срубали и уносили в мешок. Однако, на этот раз наша «Операция хряпа» закончилась трагически. Как только мы вышли на поле, солдаты начали стрелять в нашу сторону, вначале вверх, потом справа и слева от нас. Мы испугались и ушли на «исходную позицию» в канаву. Посовещались и решили возвращаться домой. Ваня Пономарев не захотел уходить. Он был старше нас и уже работал на ЛИЗе, чтобы ему сходить в другой раз, надо отпрашиваться у мастера, а мастер может и не отпустить. Мы ушли домой. А он остался искать кочерыжки.

На другой день мы узнали, что Ваня домой не вернулся. С его отцом

пошли искать Ваню. В канаве, на «исходной позиции» около дыры в заборе мы нашли его убитым. После этого случая за кочерыжками мы больше не ходили.

Под минометный обстрел в Сестрорецке я попадал несколько раз. Случай, который произошел в октябре, мне очень запомнился. Отец с другими рабочими отправился на завод по производственным вопросам, меня он обычно всегда брал с собой. В самый разгар работы вдруг неожиданно начался сильный минометный обстрел завода. Все разбежались, отец был слабый, за другими он просто не поспевал. Мы решили вдвоем выходить из зоны обстрела. Когда вышли на улицу Воскова, отец решил идти вдоль берега озера. Берег в этом месте тогда был обрывистый. Если мина упадет на дорогу, мы будем прикрыты берегом, если упадет в воду, нам взрыв мины не угрожает. Когда стали подходить к клубу имени Ленина, завыла мина, мы думали, что упадет в нас, но мина попала в выходные ворота сада отдыха. Столбы входных ворот были сделаны из фанеры, внутри этих столбов размещались билетные кассы. Над нашими головами летели осколки и щепки от столбов. Вода в озере как будто закипела. Если бы мы шли по дороге, эта мина обязательно нас бы накрыла.

В октябре наш классный руководитель вызвала нас в школу, пришло 4 человека. Нас попросили показать военным места, где на озере стояли лодки, которые были засыпаны снегом. Мы, как местные жители, могли им помочь найти лодки. Они были нужны для переправы солдат через Неву. Лодки грузили на машины и увозили. За оказанную помощь военные наградили нас хорошим куском хлеба.

В конце октября в Ленинграде по дополнительному купону на карточках стали выдавать крупу и керосин. Папа, как всегда, утром уходил на работу в Ленинград и взял с собой меня. Когда мы возвращались, попали под сильную бомбежку. С выкупленной крупой, хлебом и керосином возвращались домой. На трамвае благополучно доехали до улицы Лебедева, но около здания с колоннами, напротив Финляндского вокзала, нас застала воздушная тревога. Дежурные попросили нас пройти в бомбоубежище в этом доме, спорить с дежурным было бесполезно. Когда до отхода поезда оставалось 10 минут, попросили у дежурного разрешения перебежать площадь, чтобы успеть на поезд. Мы спокойно сели в последний вагон. В это время опять началась бомбежка. Разрывы бомб были совсем рядом. Наш поезд не выпускали. Вдруг раздался сильнейший взрыв где-то рядом, такой, что состав пошел назад. В вагоне все решили: наконец-то прицепили паровоз. На самом деле все оказалось не так. Проводник объяснил, что поезд никуда не пойдет: бомба попала в первый вагон. Всех пассажиров проводили в бомбоубежище. Воздушная тревога продолжалась несколько часов. В этот день я впервые увидел раненых и убитых во время бомбежки. Домой вернулись только утром.

В октябре в Разливе стали появляться приезжие гастролеры-мародеры, которые шарили по пустым домам, искали что-нибудь ценное.

Милиция и местные активисты наезды мародеров быстро пресекли. Подобных случаев в Разливе больше не повторялось.

6 ноября по радио передавали доклад И.В.Сталина на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Он указал на опасность, нависшую над страной, от имени партии призвал к самоотверженному труду на помощь фронту. В честь праздника жителям Ленинграда сверх карточной нормы выдали соленых помидоров.

13 ноября в четвертый раз снижена норма выдачи хлеба. Рабочие стали получать 300 г хлеба в день, остальные категории – по 150 г. Теперь наша семья стала получать хлеба 750 г в день. В муку стали добавлять до 50% различных примесей. В Ленинграде настал самый страшный, ужасный голод. Такого голода в истории города еще не было.

В ноябре в Разливе на жителей свалилось новое несчастье, стали пропадать полные люди. Пошли слухи, что в Разливе появилась банда людоедов. Вскоре эта банда была обнаружена в жилом доме на углу Большой Ленинградской улицы и Первой Поперечной. Бандиты заманивали к себе в дом полных людей для обмена ценных вещей на пищевые продукты и убивали, когда жертвы приходили к ним в дом. Из мяса убитых людей делали котлеты, варили студень, ели сами и меняли на ценные вещи или продавали. Этой бандой была убита мать нашей знакомой. При обыске в доме нашли мясо, ценные вещи, а дочь нашла голову своей матери. Всю банду арестовали, посадили в КПЗ, которая находилась в здании бывшей Пантелеймоновской церкви. Банду судил трибунал и приговорил всех людоедов к расстрелу. Расстрелянные были закопаны во дворе церкви.

В ноябре при выполнении боевого задания в районе Ржавой канавы, возвращаясь из разведки, подорвались на минном поле ученики десятого класса нашей школы Сергей Сиомичев, Владимир Ермолаев, Ильин.

Папа окончательно слег. У него самая настоящая дистрофия. На работу в Ленинград он уже ездить не мог. В блокаду нас лечила доктор Губанова Нина Александровна. Это был чуткий, душевный врач. Она, как могла, поддерживала больных в суровые дни блокады.

Зима в 1941 году наступила очень рано. В начале ноября температура воздуха достигала 25-30 градусов и ниже. Выпало много снега. Железнодорожные пути и шоссейные дороги занесло. Из Ленинграда в Сестрорецк перестали ходить автомобили и поезда. Не стало электричества, в домах не стало радио. Теперь новости узнавали только от военных.

20 ноября проведено самое тяжелое, пятое снижение выдачи хлеба населению. На рабочую карточку стали выдавать 250 г хлеба, а все остальные стали получать по 125 г хлеба и больше никаких продуктов. Наша суточная норма хлеба на четверых составляла 625 г, и какого хлеба: в нем было 80% различных примесей. Продуктов никаких, последние запасы были съедены еще в октябре, а есть очень хотелось.

Нашли кусочек столярного клея, обрадовались. Первый раз варили и ели студень из столярного клея, солененький, но все ели с аппетитом.

22 ноября от военных узнали новость. По Ладожскому озеру открылась ледовая дорога на Большую землю. Позже эта дорога стала называться «Дорогой жизни». Колонна ленинградских автомобилистов ушла на другой берег в Кобону за хлебом. На открытие ледовой дороги между Ленинградом и Большой землей были большие надежды, и они, к счастью, оправдались.

Как-то вечером папа вспомнил, что у нас в 1933 году была коза, и от нее осталась шкура, которая где-то валяется в нашем доме на Крестовском переулке. На другой день я с отцом отправилась в Сестрорецк искать козью шкуру. Мы ее разыскали в доме на чердаке, она валялась в грязи. Кроме шкуры нашли несколько кусочков столярного клея и немного олифы, находкой были очень довольны. Когда стали собираться домой, неожиданно начался минометный обстрел. Стреляли по железнодорожному мосту и по плотине. Мы находились посередине. Во время обстрела укрылись в щели, которую сделали летом. Вой мины и взрыв были где-то совсем рядом - мы даже не успели испугаться. Когда обстрел закончился, обнаружили, что мина угодила в соседний дом, половины дома - как не бывало. Мы отправились в обратный путь, а когда прошли пропускной пункт, финны снова начали обстреливать Сестрорецк. Пришли в Разлив. Шкуру отмыли от грязи, опалили. Разрезали на кусочки и начали варить студень. Когда студень был почти готов, добавили немного соли и столярного клея и разлили по тарелкам. На другой день студень ели, и нам казалось, что такого вкусного студня мы никогда не пробовали.

Шкуру козы съели, больше коз у нас не было, но есть что-то надо. Стали использовать сосны для еды как витамины и как дрова для отопления. Сосну валили рядом с домом на улице или во дворе, разделяли на поленья, а дальше шла технологическая обработка. Снималась кора, и полено выдавалось каждому члену семьи. Ножом скоблили луб. Луб можно было есть сырым, он был мягким и имел сладковатый вкус, но на десерт шел кадмий. Этот слой еще более сладкий и нежный.

Снятый луб собирали в общую кучу, клали в котелок и долго варили, много раз сливали воду, чтобы исчезла горечь, потом два раза пропускали через мясорубку, делали лепешки и жарили прямо на плите. С аппетитом ели жареные лепешки. Живот был набит, вроде и сыты, правда, на другой день болели животы, но, несмотря на это, через несколько дней продолжали жарить и есть лепешки из сосны.

В Ленинграде появилась вторая блокадная болезнь - цинга. При цинге начинали шататься и выпадать зубы, десны кровоточить. Ослабленные голодом и дистрофией жители цингу переносили особенно тяжело.

Опять помогла сосна. Хвоя сосны содержит витамин С, который как раз и нужен, чтобы предотвратить заболевание цингой. Хвоя заливалась водой и настаивалась. Полученный экстракт содержал витамин С. Действительно, заболевания цингой в Разливе были единичными случаями.

Оставшаяся сосновая древесина использовалась как прекрасное топливо.

Декабрь был самым трудным месяцем зимы 1941-1942 годов. Была самая высокая смертность. Люди умирали дома, на работе, на улице.

В декабре наши родственники понесли первые потери – умерла тетя Нюра и три двоюродные сестры - Галя, Валя и Тамара. Тетю Нюру и Галю похоронили на Горском кладбище, а Валю и Тамару – на блокадном кладбище в Тарховке.

После того, как из Сестрорецка были эвакуированы все жители, кладбище в Сестрорецке закрыли. Умерших стали хоронить в Горской. В начале блокады хоронили в гробах, а когда люди от голода ослабли, физически было трудно сделать гроб. Труп заворачивали в материю и хоронили в общей могиле. В декабре люди настолько ослабли, что доставить умершего из Разлива в Горскую не было сил.

В декабре местные власти приняли решение открыть новое блокадное кладбище в Тарховке, в конце Советского проспекта, на склоне Гайдабуровской горы. Захоронение производила бригада солдат. Могилу не копали, а получали в результате взрыва. В образовавшуюся воронку закладывали трупы, как только яма заполнялась полностью, закладывали новую порцию взрывчатки и производили направленный взрыв. Земля от взрыва засыпала яму с мертвыми, а в образовавшуюся яму укладывали новые трупы. Родственники или друзья на саночках везли умершего на блокадное кладбище, около ямы оставляли и возвращались домой. Дальнейшую процедуру выполняли солдаты. Люди настолько ослабли, что не было сил умершего довести на кладбище. Однажды утром около наших ворот увидели саночки с трупом. Видимо кто-то вез, выбился из сил и оставил. Я отвез саночки на 5 дворов и тоже оставил. Таким образом, совершенно чужие люди доставляли умершего на блокадное кладбище. Люди обессилили настолько, что не было сил вынести умершего на улицу. Умерших уносили в сарай или на террасу и ждали лучшего времени, чтобы захоронить.

Наконец пришла радостная весть. 25 декабря – первое повышение хлебной нормы! Рабочим прибавили 100 г. Отныне рабочие будут получать 350 г хлеба в сутки, а все остальные – 250 г, на 75 г больше. Теперь наша семья стала получать 950 г хлеба. Надежда окрылила людей - бороться за жизнь надо продолжать!

Наступил новый, 1942 год. Новый год встречали в кругу нашей семьи. В комнате стояла елка. Вместо лампочек были свечи. На столе закуска - лепешки из сосны, чай, заваренный хвоей сосны, и по маленькому кусочку блокадного хлеба, который мама сэкономила от дневного пайка. Все быстро съели и легли спать. У нас было одно желание, чтобы в новом, 1942 году, вдоволь поесть хлеба.

Праздничных новогодних елок для детей и школьников в Разливе не было.

На улицу теперь выходили редко, берегли силы. Если выходили за чем-нибудь, то вдвоем с отцом. По дороге шли и мечтали, как бы нам

что-нибудь обменять на хлеб. Однажды нам повезло. Нас остановили солдаты, они спросили, где можно достать патефон. Отец предложил им наш патефон и чемодан пластинок. За это они нам дали 1 кг хлеба и 1 кг овса. Мы были от счастья на седьмом небе. В этот день поели очень хорошо.

В январе отец захотел сходить в поликлинику, не дожидаясь, когда врач придет на дом. Попросил, чтобы я его сопровождал. Он несколько дней не выходил на улицу, а когда вышел, остолбенел от удивления. На улице не было ни одной сосны, вокруг большие сугробы и ни одной лыжи, вдоль забора была тропинка, направо тропинка вела к магазину, налево – к блокадному кладбищу. Поликлиника находилась на 3-й Поперечной улице между Советским и Тарховским проспектами. Больных в поликлинике было мало. Быстро оформили больничный лист и вышли на улицу. Отец предложил дойти до Большой Ленинградской. Когда подошли к переезду, из ворот бывшей туберкулезной больницы показалась тощая лошадь, запряженная в сани. На санях вдоль и поперек лежали трупы, покрытые простыней. Прямо на них сидел такой же тощий извозчик, который размахивал кнутом и, не стесняясь в выражениях, ругался, чтобы истощенная лошадь как-нибудь двигалась. Когда он подъехал ближе, отец его узнал. Это был Илларион Петров, который жил на Советском проспекте. Трупы он вез на блокадное кладбище.

Мы пошли по Ленинградской улице. Нам встречались прохожие, одни нас узнавали, а мы нет, а было и наоборот. Теперь по одному не ходили. Если упадешь, то так и останешься лежать до весны, поднять было некому.

24 января – новая прибавка хлеба. Рабочие стали получать по 400 г, служащие – по 300 г, дети и иждивенцы – по 250 г. Но этого все равно истощенным людям было мало. Жители продолжали умирать.

В январе были новые потери. Умер дядя Алексей Нефедов. У товарища Вовы Клевица умерли отец, дедушка и бабушка. У Жени Кислицына умерла мать.

Дорога жизни работала днем и ночью. Появилась возможность по карточкам получить крупу! К сожалению, эти продукты в Разливе мы получить не могли, так как ни поезда, ни автомобили в сторону Сестрорецка не ходили и подвезти не могли. Получить продукты можно было только в Ленинграде. Жители Разлива решили в Ленинград ходить пешком.

Ходили группой в 15-20 человек. Старший группы набирал ходоков за два дня до выхода в Ленинград. В назначенный день, в 6 часов утра, от магазина или переезда, выходили из Разлива. Все были одеты легко, но тепло, с рюкзаками за плечами. Шли до первого магазина в Ленинграде, отоваривались, немного отдыхали и шли в обратный путь, где нас ожидали с нетерпением. Возвращались домой усталые и замерзшие в 19-20 часов. Ходоков за продуктами ждал горячий чай и заслуженный отдых. В Ленинград за продуктами я ходил один раз.

На улицах царил гробовая тишина. Играющих детей, катающихся на санках, лыжах или коньках, на улице видно не было. Дети сидели по

домам, как старички, и ожидали той минуты, когда настанет время, чтобы съесть очередной кусочек хлеба, и вспоминали время, когда их представляли идти домой обедать или что-нибудь поесть, а они не шли.

11 февраля - огромная радость, объявлена третья прибавка нормы хлеба. Рабочие будут получать по 500 г хлеба в день, служащие – по 400 г, иждивенцы и дети – по 300 г. Кроме хлеба, карточки тоже отоваривали некоторыми продуктами.

В феврале Военный Совет издал распоряжение: в Ленинграде организовывать детские дома, искать и подбирать одиноких детей. В Разливе тоже был создан детский дом, в помещении деревянной школы №7.

Была создана специальная комиссия, в которую входили работники детдома, представители милиции и активисты Разлива, у кого были силы. Члены комиссии заходили в каждый дом в поисках одиноких и больных детей. В отдельных домах была жуткая картина. На кровати лежала чуть живая мать, и по ней ползал ребенок непонятно какого возраста. На террасе или в сарае обнаруживали трупы. Детей заворачивали в одеяло, сажали на саночки и отвозили в детский дом. О мертвых милиционер делал запись, потом с санями приходили солдаты и отвозили умерших на блокадное кладбище. Разливский детский дом спас от смерти многих детей. Спустя 60 лет детдомовцы встретились в здании бывшего детского дома. Встреча прошла в воспоминаниях очень тепло.

У нас была мечта: поймать какую-нибудь птичку, но в эту зиму даже птицы не летали. На помойке я поставил капкан. Приманку - кусок мяса, нарисовал на фанерке. Проверял капкан несколько раз в день. Наконец, попалась ворона! Заранее смаковали, как будем пробовать воронье мясо. Быстро разделали птицу, она была синяя, тощая, как дистрофик, и начали жарить. Я был старший повар, мне поручили следить, чтобы ворона не подгорела, так как жарили ее без масла. Из кухни я отлучился на минутку, а когда возвратился, не поверил своим глазам. Двоюродный брат Толя, который жил в соседней комнате, уплетал нашу ворону. К сожалению, нам не удалось попробовать вороньего мяса! Больше ворон нам не попадалось.

В марте на Ленинградском инструментальном заводе открылся стационар для поддержания жизненного уровня работников завода. Рабочие трудились на своих местах, питались в столовой стационара, ночевали здесь же, на заводе, в специально выделенном помещении. Благодаря стационару от смерти были спасены многие работники завода. Начальником стационара был назначен В.И.Соломонов.

Мы решили нашего папу отправить в стационар. Но когда приехали забирать, он был такой слабый, что его не взяли. Сказали: «Куда мы его повезем, по дороге он у нас помрет. Пусть лучше умирает дома». Отец все слышал и очень обрадовался, что его не взяли. Он очень не хотел уезжать.

Руководство завода решило из числа рабочих создать рыболовецкую бригаду для обеспечения стационара свежей рыбой. Бригадиром назначили мастера цеха №5 Мурыгина Ивана Перфильевича. Члена-

ми бригады были сестрорецкие рыбаки-любители, у которых имелись рыболовецкие снасти. В рыболовецкую бригаду вошли Н.И.Мурыгин, мой отец – Д.Д.Яковлев, Е.А.Балакерев, Громы, Степановы и другие рыбаки.

Отец отдал свои сети при одном условии, чтобы в бригаду вместо него взяли меня. Иван Перфильевич согласился, но меня на завод не приняли, так как мне не было 16 лет. В бригаду взяли маму. У бригады были рыболовные снасти: различные сети, невод, бредень, переметы, бураки и другие орудия для ловли рыбы.

Весна 1942 года была очень рыбная. Ловились крупные лещи, плотва, окуни, ерши и очень много колюшки. С подсобными рабочими расплачивались колюшкой. Из нее приготавливали много блюд: варили уху, из фарша делали котлеты, фрикадельки. Очень вкусная тушеная корюшка. После рыбного питания мы немного окрепли, только наш папа оставался слабым, он все больше лежал. Но у него к жизни появился интерес.

В Сестрорецке, наконец, открылась баня. Правда, работала один день в неделю, но и это было здорово. Мы тоже собирались в баню. Шли медленно, часто по дороге отдыхали, для отдыха у нас вместо стульчика были саночки. Когда в бане разделись, потеряли друг друга. Мы были, как скелеты, обтянутые кожей. Отец не мог узнать меня, а я его. Вокруг нас стояли такие же скелеты, как мы. Но какое было наслаждение после большого перерыва мыться горячей водой! Вернулись из бани без всяких происшествий. Дома мама приготовила обед и крепкий, сладкий чай. После баньки и обеда размякли и крепко-крепко уснули.

Однажды ночью раздался сильный взрыв, у нас в доме вылетело два стекла. На другой день узнали, что в Тарховке диверсанты взорвали эшелон с ранеными бойцами.

В конце марта и начале апреля весна дружно вступила в свои права. Снег начал таять, обнажилась блокадная грязь. На дорогах из-под снега стали видны трупы замерзших зимой людей. Обнаруженные трупы немедленно убирала. Для избежания эпидемий перед жителями встала жизненно важная задача - навести чистоту и порядок на улице и в своих дворах. Всюду звучал лозунг: «Все на очистку улиц и дворов!» Оставшиеся в живых ослабленные люди дружно выходили с лопатами, ломами или граблями на уборку улиц.

На очистке железнодорожных путей и шоссе работали солдаты и местные жители. И результаты скоро сказались. Из Ленинграда в Сестрорецк пошли поезда, вначале до Лисьего Носа, потом до Тарховки и, наконец, в начале апреля - до Сестрорецка. Железнодорожная связь с Ленинградом наладилась. В Разлив из Ленинграда по железной дороге завезли продукты. В апреле за ними ходить в Ленинград необходимость отпала. Теперь продукты по карточкам жители Разлива выкупали в нашем магазине, на Второй Поперечной улице.

С очисткой улиц и дорог жители Разлива справились, заболеваний не было.

В апреле одна радость следовала за другой. Неожиданно заработала радиотрансляционная сеть, была неопишуемая радость. Радио не выключалось круглые сутки, слушали все радиопередачи: сообщения с фронтов, с заводов, слушали музыку и выступления ленинградских артистов и не могли наслушаться. Наконец-то стали узнавать, что делается в стране.

Вскоре после радио в разливские дома дали электричество. Это была вторая радость. Коптилки стали музейной редкостью.

Когда сошел первый снег, на буграх стала появляться первая трава. В Разлив за травой приезжали из Ленинграда. Собирали любую траву. Варили щи, пекли лепешки и ели все подряд. У многих начали болеть животы. На жителей блокадного Ленинграда надвигалась третья блокадная болезнь - дизентерия. Эта болезнь не менее опасна, чем цинга. Врачи выступали по радио, объясняли населению, какую траву можно собирать и употреблять в еду, какую нельзя. По радио передавали рецепты, какие блюда из растений можно приготовить. Дизентерия была побеждена.

Для еды я собирал только молодую крапиву и лебеду. Из этих трав мама варила щи с корюшкой. Крапива и лебеда содержали много витаминов. Приготовленный обед был очень вкусный и питательный.

Наступило 1 мая. Утром я дошел до разливской школы, около школы никого не было. Днем ко мне домой пришел Вова Клевиц. Мы с ним вспоминали, как праздновали 1 мая в прошлом году, но были уверены - придет время и наши праздники будем отмечать по-прежнему весело. Праздничную передачу по радио слушали всей семьей.

6 мая, впервые во время войны слушали репортаж со стадиона «Динамо» о футбольном матче между ленинградским «Динамо» и сборной командой гарнизона. За ленинградское «Динамо» выступали в воротах Г.Шорец и В.Набутов. Игроки в поле: А.Алов, В.Федоров, в нападении играл наш земляк Анатолий Викторов. Этот день для всех ленинградцев стал большим праздником. «Динамо» тот матч у армейцев выиграло со счетом 7:3. На другой день репортаж о футбольном матче передавали на передовой, чтобы немцы услышали, как «мертвые» играют в футбол.

На заводе отцу выдали семена моркови, редиса, укропа, свеклы. Во дворе вскопали грядку и сделали посадки, однако попробовать урожай нам не пришлось.

Теперь мне приходилось помогать рыболовецкой бригаде чистить сети, зашивать в сетях дыры, наживлять перемет, другие работы, за это я получал хорошую рыбу.

Мы с товарищами собирались и обсуждали, чем нам заняться. Одни хотели продолжать обучение в школе, другие - поступить в ремесленное училище, я почему-то хотел идти на завод учиться на токаря, хотя совершенно не представлял, что это за специальность. В дальнейшем я все же стал токарем. Но все изменилось неожиданно. Город готовился ко второй блокадной зиме.

15 мая 1942 года вышло постановление Военного Совета об эвакуации из Ленинграда 300 тысяч человек. Эвакуации подлежали женщины, которые имели два ребенка и более, больные и престарелые жители, инвалиды войны и дети из детских домов. Эвакуация должна производиться на мелкотоннажных катерах через Ладожское озеро.

Наша семья попадала под это постановление. У нас было двое детей - я и сестра, еще больной отец. Покинуть Ленинград нам очень не хотелось. Трудная зима 1941-1942 годов осталась позади и отъезд оттягивали, как могли. В августе 1942 года в приказном порядке нам предложили эвакуироваться. Больше тянуть было невозможно, нам вручили эвакуодостоверение на 7 августа. Из вещей с собой мы взять ничего не могли, сами еле передвигали ноги, еще надо было помогать больному отцу. От дома до станции Разлив потихоньку дошли, забрались в вагон и поехали в Ленинград, так началась наша эвакуация.

Когда приехали на Финляндский вокзал, зарегистрировались на эвакопункте. Нам указали номер эшелона и время отправления нашего поезда на берег Ладожского озера и выдали талоны на хлеб и гороховую кашу. Так много хлеба и каши мы давно не видели. А каша была вкусная! Отправления поезда надо было ждать два часа. Мы заняли места в вагоне и наступили долгие минуты ожидания. Наконец, прицепили паровоз и мы поехали. Не доезжая до станции Борисова Грива, поезд остановился, кругом был лес. Немцы бомбили станцию, разрывы бомб были совсем рядом. Остановка поезда была вызвана тем, чтобы мы не попали под бомбежку. Через некоторое время поехали дальше. Вдоль железнодорожного полотна были свежие воронки от бомб, местами дымилась кустарник и деревья. На станции Ваганово все вышли из вагонов. Моросил мелкий ленинградский дождик. От Ваганова надо было идти на станцию Кокорево. Эта станция была рядом, кто мог, шли пешком, а слабых подвозили на машинах. Опять регистрация: указывают номер катера, на котором мы пойдем через озеро, катер отойдет от пирса, как только разгрузят продукты, привезенные с Большой земли, простоя не было ни минуты. Наконец, началась посадка, все было организовано четко, никакой толкучки, никакой паники. Наш катер больше походил на самоходную баржу, на палубе в носовой части и на корме стояли зенитные пулеметы, в трюме все переборки разобраны, было только несколько скамеечек. Перейти с пирса на борт катера и занять место в трюме помогали матросы, скамейки нам не досталось, пришлось сидеть прямо на полу. Когда отошли от пирса, матросы шутили, что до Кобоны дойдем спокойно, без провожатых, имелись в виду немецкие самолеты. Так как моросил мелкий дождик и видимость была нулевая - погода нелетная, хоть здесь нам повезло. Без всяких приключений через несколько часов наш катер подошел к стенке пирса в Кобоне. Выгрузка прошла также организованно, как и посадка. Встречала бригада матросов. Когда вышли на пирс, увидели кошку и собаку: смотрели, как на чудо. На эвакопункте выяснилось: в Саратов эшелонов нет, в Новосибирск эшелон будет формироваться через 10 дней. Ближайший пой-

дет только до Уфы. Мы были очень усталые и слабые, решили ехать куда повезут.

Получили питание, поели, и настроение улучшилось. Стали ожидать отправления. На другой день нас (отца, мать, меня, сестру, бабушку, тетю, двоюродного брата) повезли в далекий тыл.

Из окон вагонов наблюдали места недавних боев, с одной и с другой сторон железнодорожного пути был горелый лес и воронки от бомб и снарядов. Через трое суток опять радость, это было напоминание о мирной жизни: города сверкали, затемнения здесь не было. Поезд шел очень медленно, долго стоял на станциях - пропускали воинские эшелоны на запад. Наконец, прибыли в Уфу, поезд дальше не шел. Чтобы ехать в Новосибирск, необходимо делать пересадку, но сил уже не было. Мы решили ехать куда повезут, нам было все равно. Поездом нас довезли до станции Чишмы.

Блокадников встречали представители от колхозов. Нас выбрал тарский колхоз «Кзыл яз». Деревня Игнгалгы была в 70 км от станции. До нового места жительства добирались на повозке с лошадиной тягой. В колхозе нас поселили на окраине деревни в отдельном доме. Блокадникам давали усиленный продовольственный паек и полный отдых. Через некоторое время мы окрепли и приступили к работе. Женщины вязали снопы, убирали подсолнухи. Мужики и подростки работали на лошадях - что-нибудь возили, молотили зерно или горох. Мы выполняли все работы, которые нам поручали. Через четыре месяца окончательно окрепли. Нас потянуло на завод в Новосибирск.

В январе 1943 года мы переехали в Новосибирск и сразу поступили на завод имени Воскова. Завод был эвакуирован из Сестрорецка. Отец и мать поступили в термический цех. Отец – рихтовщиком, мать – контролером. Я с тетей – в цех №7 на токарный участок, так как в свое время мечтал быть токарем. Первый мой станок был токарно-револьверный. Я точил прижимные винты к штангенциркулю. Мне хотелось выполнять более сложные работы. В Новосибирске формировался «Сибирский батальон». Токарь-ремонтник Боря Петров записался добровольцем. Через несколько дней мы провожали его на фронт. Мне доверили занять его место. Теперь я стал работать на универсальном токарном станке, на котором можно выполнять любую токарную работу. Я оказался в бригаде механика Саши Стального. Мне хотелось выполнять более точные работы и я перешел в инструментальный цех на лекальный участок. Моим учителем лекальному делу стал высококвалифицированный рабочий Иван Иванович Федосов.

Лекальный участок изготавливал различные калибры и шаблоны для инструментов и реактивных снарядов ракетных установок «Катюша».

Праздники Ленинграда, связанные с блокадой, 18 января 1943 года - прорыв блокады и 27 января 1944 года - полное снятие блокады, отмечали, находясь за тысячи километров от Ленинграда. Но мысленно были в родном городе. В эти дни с друзьями вспоминали блокадные дни. Главной нашей мечтой было возвращение в родной, любимый Ленинград.

День Победы 9 мая 1945 года Новосибирск отмечал очень торжественно. После праздника многие сестроречане стали собираться домой.

Но возвратиться в Сестрорецк оказалось не так просто. В это время я имел 7-й разряд токаря-лекальщика. После войны еще действовал закон военного времени: квалифицированных рабочих с завода не отпускали.

В Новосибирске нам пришлось проработать до 1947 года. Всей семьей возвратиться в Сестрорецк не получилось, возвращались по одному.

Первыми домой вернулись отец и сестра, вторым приехал я, третьей возвратилась наша мама.

Летом 1947 года вся наша семья возвратилась в Сестрорецк из эвакуации.

Так закончились наши скитания.

Ольга РАСТВОРОВА,
Почетный гражданин города Сестрорецка

Один год из жизни ленинградской девочки (отрывок из книги «Память о блокаде»)

КОГДА КОЛЬЦО ЗАМКНУЛОСЬ

Вечер 8 сентября - дня, ставшего началом полной блокады и отменного роковым пожаром на Бадаевских складах, я помню очень хорошо. Мама дежурила в штабе, в комнатке на первом этаже, рядом с лестницей. Я «была при ней», но вышла на улицу и сидела на небольшой приступочке рядом с подъездом (когда-то там тоже была дверь, но ее заделали, а ступенька осталась). Мне было тепло от нагретой за день стены и хорошо, спокойно - мама рядом, недавно прозвучал отбой тревоги, в руках у меня почему-то был крошечный эмалированный ковшик с вареной чечевицей (может быть, мама взяла себе ужин на дежурство), И я медленно, растягивая удовольствие, ела эту чечевицу чайной ложкой. А потом подняла глаза и увидела, что за Невой до половины неба поднимаются черно-красные, жирные, переливающиеся и перевивающиеся клубы дыма, и все расплзаются ввысь и вширь. В те дни люди говорили, что если бы не этот пожар, такого голода бы не было, что сгорели главные запасы провизии. Но позднее объясняли, что эти разговоры велись для того, чтобы обелить городское начальство, которое не озаботилось созданием надлежащих запасов. И что один склад, даже большой, никак не мог повлиять на ситуацию в огромном городе.

После 8 сентября прекратилась массовая эвакуация городского населения. Выезжали (вернее, вылетали самолетами с оказией) единицы по специальным запросам и разрешениям. Такое разрешение сумел получить для своей жены сосед из квартиры над нами. Их дочка - моя

ровесница и подруга - перед войной была отправлена к бабушке на Украину и осталась там, как тогда говорили, под немцами. (Она уцелела, но потом, при поступлении в школу, а затем в институт ей пришлось скрывать, что она там оставалась: такие люди, даже маленькие дети, были под подозрением). Сам же сосед воевал на Ленинградском фронте, откуда и направил этот вызов, а до войны он был работником Облисполкома, то есть считался довольно важной персоной. Его жена вылетела из Ленинграда в конце октября каким-то случайным самолетом, и, как мы потом узнали, добралась до Большой земли благополучно.

Уезжая, эта соседка оставила нам немногие остатки своих припасов: капельку керосина, несколько небольших картофелин, еще что-то. Мама на кукольной сковородке, смазывая ее касторкой, жарила по одной картошечке в день вместе с кожурой. Все картофелины, по одной в день, были отданы мне, поскольку родители считали, что главное – сохранить меня. Взрослых какое-то время выручал оказавшийся в доме небольшой запас кофе в зернах. Его мололи на ручной кофейной мельнице и заваривали. Гущу мама не выбрасывала, и она пригодилась. Однажды папе выдали на работе целое богатство: флакончик фиолетового спирта-денатурата (в лаборатории им заправляли спиртовки, на которых нагревали всякие пробирики) и несколько крупных корнеплодов, тоже фиолетовых. Это была кормовая брюква, или турнепс, о существовании которого мы узнали тогда впервые. На вкус он напоминал грубую и одновременно водянистую редису, только кожа была потолще и горькая. Турнепс мы быстро съели в сыром виде, а его кожуру мама пропустила через мясорубку, смешала с испитой кофейной гущей и поджарила на касторовом масле маленькие черные не то котлетки, не то лепешки. Они были такими горькими, что я их есть не могла, а взрослые ели, но изделия убывали как-то очень медленно. Флакончик же, принесенный папой, позднее стал валютой: когда нам выдали ордер на три деревянные балки из разбомбленного дома, разбираемого на дрова, флакончик пошел в уплату за их доставку. Дом был на Нижегородской (теперь улица Лебедева). Балки надо было сбросить сверху, прикрепить к саночкам, проволоку с полкилометра до нашего дома, затащить во двор и распилить. Самим нам это, конечно, было не под силу. (Одну из балок у нас украли прямо во дворе, пока папа и мама носили распиленные чурки домой). Но эта дровяная эпопея была позже, а пока речь идет о начале ноября.

Вечер 6 ноября запомнился мне не только тем, что по радио передавали знаменитую речь Сталина (война продлится полгода, ну, годик), но и другим.

Когда я ходила в этот вечер с повестками по одной из лестниц, начался налет, завывали сирены. Я испугалась не бомбежки, а того, что станет беспокоиться мама: вечер, темно, тревога объявлена, а дочки нет. И я побежала вниз по лестнице и упала. Зазвенело разбитое стекло, фонарь, болтавшийся у меня на груди, погас, из аккумулятора что-то потекло... Больше меня с повестками не посылали. И вообще дежур-

ства вскоре постепенно сошли на нет. Жильцов становилось все меньше: кто-то сумел уехать, кто-то ушел на фронт или перешел на казарменное положение, а потом уже и умирать стали от голода.

Следующий день — 7 ноября тоже хорошо запомнился: в тот день мама отдала мне последнюю картофелинку из тех, что оставила соседка; можно считать, что ноябрьский праздник был только у меня. Вечером заметно подморозило, и запомнилось, как мы в ярчайшем лунном свете по этому морозцу бежали под вой сирены в дальнее, «лучшее» бомбоубежище. Видимо, разрывы бомб слышались близко, и все спешили укрыться. Люди бежали в затылок друг к другу сплошной цепочкой, стараясь прижаться к стене дома. Мне впервые было страшно. Когда мы уже почти добежали до входа, послышался оглушительный рев мотора и сразу же длинная пулеметная очередь. Тогда я была уверена, что это пикировавший фашистский летчик стрелял непосредственно по нашей цепочке. Но возможно, что это пытался попасть по самолету пулеметчик с наблюдательной вышки Военно-медицинской академии. Так или иначе, мы благополучно ввапились в бомбоубежище и благополучно дождались отбоя.

В ноябре мы перебрались из большой комнаты, которую было бы не натопить, в маленькую, темную. Электричества в то время уже не было, потом оно появится только весной, лампочки будут загораться вполнакала на какие-нибудь 2-3 часа. Всю зиму приходилось пользоваться самодельной коптилкой. Это склянка или жестянка, накрытая сверху жестяным кружком, в серединку которого воткнута металлическая трубочка, а через трубочку просунут фитиль-жгутик из тряпочки, марли либо ниток. В склянку заливают керосин (а если его нет - бензин с солью, но это гораздо, гораздо хуже), опускают нижний конец фитиля в керосин, а верхний конец зажигают. Появляется желтая дрожащая капелька огня, который светит раза в четыре слабее, чем маленькая свечка.

Свечи в нашем доме тоже бывали. Сначала в ход пошли огарки елочных свечек, которые обнаружили в коробке с елочными игрушками. Потом папа пытался сам делать свечи. Он заливал растопленный парафин, оставшийся от огарков, то в стеклянные пробирки (которые потом не хотели слезать с готовых изделий), то в трубочки, свернутые из гладкого картона. Картонные трубочки имели преимущества: во-первых, нитяной фитиль удавалось натянуть строго по оси свечки, во-вторых, картон, развернув, легко можно было снять со свечки. Но папины изделия горели плохо, трещали, плевались. Наверно, папа не разгадал секрета обработки фитилей. Кстати, среди елочных игрушек нашлось и другое богатство: несколько обернутых фольгой грецких орехов, которые когда-то висели на елке. Они валялись в шкафу много лет и давно прогоркли, но штуки три я все-таки съела тайком от взрослых, стыдясь своего эгоизма. Зато когда среди кукольной посуды, в игрушечной деревянной сахарнице я нашла два кусочка сахара, то честно отдала их маме, и мы долго радовались и обсуждали это событие. Для поисков всех этих свечек, орехов и других реликтов мирной жизни нужно было

выходить из относительно теплой маленькой комнаты и совершать экспедицию в большую, где было, казалось, так же холодно, как на улице, но светло. И одеваться приходилось, как для улицы.

Почти кончился керосин (оставалось только на коптилку), пришлось отставить керосинку. Этот ныне вымерший бытовой нагревательный прибор состоял из емкости для керосина (примерно на полтора литра), над которой возвышалась широкая металлическая труба высотой около 20 см, увенчанная подобием конфорки. В нижней части трубы была горелка с двумя или тремя широкими фитилями, высоту которых (и силу пламени) можно было регулировать, крутя соответствующие головки. В середине трубы было окошечко, закрытое листиком слюды (такие листики продавались во всех хозмагах), через окошечко можно было следить за огнем. На керосинке чайник закипал раз в пять медленнее, чем на газовой плите. Наша довоенная керосинка прослужила нам долго, до середины 1950-х годов. Ну, а когда осенью 41-го ее стало нечем заправлять, мы начали готовить пищу (главным образом кипятить чайник) в печке-голландке. Потом, ближе к концу зимы, у нас появилась и знаменитая железная печь-буржуйка, воспетая всеми бытописателями блокады; кто нам ее изготовил, и чем мы расплачивались, я не знаю. А пока мы устраивались иначе. Папе дали в институте лабораторный треножник - маленький железный таганок, на каких устанавливают колбы, нагреваемые спиртовкой. Этот таганок мы ставили в печку, а на него осторожно водружали наш медный чайник или кастрюльку. Топливом при готовке служили старые газеты, журналы, ноты, за которыми мы периодически ходили в холодную комнату. Мы с мамой работали вдвоем: я брала очередной лист бумаги, быстро скручивала его в плотный жгут толщиной около 1 см и передавала маме, а она кормила огонек из рук. Бумаги при такой технике уходило мало, а огонь горел сильно и ровно, и чайник быстро закипал. Конечно, мы не сразу научились работать слаженно, но потом навык быстрого скручивания стал у меня автоматическим. И много лет спустя, уже в мирной взрослой жизни, разжигая костер в походе или экспедиции, я удивлялась своим рукам, которые крутили бухмажные жгуты независимо от моего сознания. Когда мы кончали готовить, таганок убирали, и печку можно было топить, чем было – остатками дров или тоже чем-то бумажным. Однажды треножник нас подвел. Когда мама варила суп из последних крупинок риса, сохранившихся с «докарточных» времен, треножник опрокинулся, и все содержимое котелка вылилось в печку. Отвар пропал! Но крупинки мама попыталась спасти: она выгребла из печки всю золу и выбрала из нее все крупинки по одной. И хотя она их много раз промыла водой (которая тоже была дефицитом), зола все равно сильно скрипела на зубах.

За водой мы ходили на Неву, благо это было близко. Беда была в том, что вскоре обледенел спуск к воде. Гранитная лестница на Пироговской набережной (рядом с массивной гранитной же скамьей против угла здания, где библиотека ВМА) сохранилась, по крайней мере, еще

недавно она была. Ступенек, кажется, было 14 (теперь мне трудно приехать из Сестрорецка, чтобы проверить). Внизу была полукруглая слегка наклонная площадка, вымощенная брусчаткой. С уступа этой площадки нужно было шагнуть вниз, на лед Невы. Этот обледенелый уступ был серьезным препятствием, как и уклон площадки и каждая из ступенек лестницы. Тут же, у Пироговской набережной была пришвартована вмержшая в лед баржа, а на середине Невы стояли тоже вмержшие военные корабли. Мы иногда пытались пользоваться вместо воды снегом, но во дворе он был грязным, потому что там жильцы выливали нечистоты, а носить снег с улицы (тоже не такой уж чистый) было немногим проще, чем воду из Невы. Кроме того, от принесенного снега в холодной комнате становилось еще холоднее. Умывались мы редко из-за холода, спали не раздеваясь, почти все были до глаз обвязаны платками, так что и умывать было почти нечего. Лица встречаемых (и наши) были темными от чада коптилок, печного дыма и этого редкого мытья. Мы с мамой первый раз более или менее хорошо помылись (и то по частям) весной, когда солнце стало нагревать нашу большую комнату. Должно быть, тогда у нас опять появился керосин, потому что было несколько кастрюль воды, нагретой на керосинке, при этом и комната прогрелась, так что рядом с керосинкой можно было раздеться.

НАШ ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ В НОЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 1941 ГОДА

Я попыталась восстановить последовательность наших действий в течение дня в тот период. Но перед тем, как излагать, надо напомнить, что все происходило на фоне постоянного, непрекращающегося чувства голода. Так что по-настоящему после каждой фразы надо было бы добавлять: «хотелось есть» или «очень хотелось есть». Это было первое, что ощущалось при пробуждении, а часто и до пробуждения. Тем не менее, я обычно не слышала, как уходил на работу папа. Он шел сначала к себе в институт на Литовскую улицу, а потом на лекции в другие места, в частности, на курсы усовершенствования медсостава (КУМС). Где они находились, я не знаю, но мама подсчитала, что папа проходил каждый день километров 17. Он не мог не уставать. Утром и вечером идти приходилось в темноте. Обстрелы и бомбежки случались в любое время суток. Днем мы с мамой за обыденной суетой не успевали ни о чем думать, а к вечеру тревога за папу все нарастала и становилась нестерпимой. Мы как бы в шутку, а на самом деле - вкладывая всю силу мольбы, начинали петь-заклинать: «Папа Гриша, приходи, нам чего-то принеси», а через некоторое время: «Ничего не принеси, только сам-то приходи!». И он приходил.

Через много лет, вспоминая это, я писала в Поэме об отце:

*Декабрь сорок первого. Блокада.
Пешком на лекции. Все меньше сил.
Мы с мамой под уханье снарядов
Молились, чтоб скорей он приходил.*

*Не Бога умоляли мы, а Гришу.
Но, видно, Бог молитвы наши слышал,
И Он нам грех неверия прощал -
Живым отца и мужа возвращал.*

Пока папа был на работе, мы с мамой шли в булочную за хлебом. Все выкупали хлеб по талонам на завтра (на сегодняшние талоны хлеб всегда был уже получен накануне). На каждый день был свой талон. Карточки разных категорий (рабочие и ИТР, служащие, иждивенцы, дети) обозначались разными литерами и различались по цвету, поэтому их было трудно перепутать. Количество граммов хлеба на талоне не указывали, потому что оно не было постоянным в течение месяца. Больше чем на один день вперед хлеб не выдавали. В булочной былолюдно и темно, горела коптилка, ведь в декабре светает так поздно, а света не хватало даже днем из-за «фанерных» окон и из-за плотной стены ожидающих. Днем за хлебом ходили немногие, ведь и до утра-то трудно было дотерпеть. Очередь двигалась медленно, и в ожидании я смотрела на огонек коптилки или рассматривала лепнину потолка и большую нарядную печь, поблескивающую в дрожащем свете пламени цветным кафелем с выпуклыми узорами. Кажется, это были цветы. Более четко я вспоминаю другую роскошную кафельную печь, которая стояла в вестибюле парадной лестницы нашего дома, той самой лестницы, где разбился мой злополучный фонарь. Та высокая, до потолка печь была выложена темно-зеленым, травяного оттенка кафелем и украшена головками амуров. Очередь в булочной двигалась медленно потому, что продавщица должна была: взять у покупателя карточку (из руки в руку, чтобы не выхватил какой-нибудь злодей), вырезать при тусклом свете талон, вернуть карточку, получить деньги, дать сдачу, отвесить на двухчашечных весах с гирьками нужную порцию хлеба. Обычно покупатели просили выдать хлеб по каждой карточке отдельным весом, чтобы каждый член семьи мог отдельно распорядиться своим пайком. Отрезать от буханки ровно 250, или ровно 200, или 125 г было почти невозможно, поэтому до нужного количества приходилось добавлять маленькие кусочки -довески. Если удавалось отделить нужный кусок точно, без довесков, то тот из членов семьи, кто ходил за хлебом, чувствовал себя неуютно: боялся, что могут подумать, будто он съел довесок. Получать хлеб по карточке можно было не в любой булочной, а только в той, к которой, как тогда говорили, эта карточка была «прикреплена». В начале каждой декады карточки полагалось регистрировать, для этого нужно было лично явиться в жилищную контору. Так что если человек умирал, семья могла пользоваться его карточкой не дольше, чем до конца декады.

Получив хлеб, мы относили его домой и завтракали. Вернее, я знаю, что мы должны были завтракать, но не могу вспомнить, ели ли мы утром что-нибудь кроме этого хлеба, пили ли «чай» или экономили топливо и воду. От суточной порции хлеба утром отъесть надо было не боль-

ше трети. Папину порцию - 250 г - мама складывала отдельно. У нас с мамой было по 125 г. В сущности, эта минимальная норма хлеба действовала не так уж долго, наверно, чуть больше месяца, но всем запомнились именно эти 125 г. Уже в конце декабря, когда наладилось снабжение через Ладогу, нормы стали постепенно увеличивать. Но за этот месяц произошли такие сильные, а часто и необратимые изменения в телах голодающих людей, что с помощью этих жалких прибавок сделать их здоровыми и сытыми было невозможно. А многие и вообще не дождались увеличения норм. Все едят и говорят, что хлеб был очень плохой, сырой, со всякими несъедобными добавками. А я этого совсем не запомнила. Это был Хлеб, и все.

Позавтракав, мы с мамой каждый день (так мне помнится) шли по проспекту Карла Маркса в папин институт на Литовскую улицу. Папе полагался там мини-завтрак - стакан чая с сахаром. По времени у него почему-то не получалось выпить этот чай, но чайную ложку сахарного песка можно было взять сухим пайком. За этой ложечкой мы и ходили (со специальной коробочкой) - 3 километра туда и 3 километра обратно. Я так хорошо помню эту коробочку из моего игрушечного набора деревянной посуды, не только на вид, но и на ощупь, крепко зажатую в моей детской ладони. Это было золотистое (как «охлома», но без росписи) яблоко, вроде тех продолговатых крымских, которые до войны продавались перед Новым годом и вешались на елку. Оно, как матрешка, состояло из двух разъемных половинок, плотно соединявшихся друг с другом. Именно в этом яблоке я и нашла тогда те два кусочка сахара, о которых уже говорилось. С тех пор яблоко считалось счастливым, и мы никогда не забывали взять его в поход на Литовскую. Оно было не только контейнером, но и талисманом, знаком связи с мирным прошлым и надежды на удачный поход. Ведь часто по дороге нам приходилось пережидать в каком-нибудь подъезде обстрел, как пережидают дождь. Один раз пришлось очень долго, до сумерек стоять под защитой каменного крыльца дома у Гренадерского моста, где потом была 108-я школа. Конечно, такие укрытия не спасли бы от прямого попадания снаряда, но защищали от возможных осколков.

Вдоль нашего маршрута тянулся длинный сквер, весь перекопанный зигзагами траншей - упрощенными вариантами бомбоубежищ. Траншеи были крытые, так что видны были только темные отверстия входов. По детскому пристрастию забираться во всякие замкнутые пространства, я как-то раз рванулась было туда, но мама с непонятной

мне суровостью не позволила. Меня успешно оберегали от вида мертвых людей (зашитые в одеяла покойники на саночках не в счет). Только потом, ближе к весне, когда папу уже выписали из госпиталя, и мы пошли с ним на прогулку по слепающему от солнца снегу набережной в сторону Литейного моста, я на этом ярко белом фоне увидела и хорошо рассмотрела молодую женщину. Она лежала на боку в легком платье, коричневом в светлых цветочках. Высушенная морозом кожа худых ног тоже казалась коричневой. Лица я не успела разглядеть, только темные волосы и оскал зубов - папа взял меня за плечи и развернул в другую сторону. Наверно, ее валенки, и пальто, и рукавицы, и может быть, даже чулки были кому-то очень необходимы, а ей уже не были нужны. Я, конечно, знала, что умирает много людей, но такие подробности смерти видела впервые.

В те дни, когда у мамы были более трудные дела, чем наш обычный поход с деревянным яблочком, она оставляла меня дома и уходила одна. Ведь нужно было пытаться отоварить другие продуктовые карточки. Их было несколько видов: на крупу и макаронные изделия, на сахар и кондитерские изделия, на «мясо-рыбу» и на жиры (а может быть, талоны на жиры были на той же бумажке, что и «мясо-рыба»). Маленькие листочки бумаги (примерно 6 на 8 см), чуть рябенькие от нанесенного «противоподделочного» узора из тонких линий и точек были расчерчены на сантиметровые квадратики, каждый из которых соответствовал тому или иному количеству граммов продукта. Сколько именно граммов было на тех талонах зимы 41-42 годов я не помню, зато запомнила, что в куда менее голодную следующую зиму, уже за кольцом блокады на крупяных карточках моих родителей были талоны достоинством 20 и 40 г. И когда они обедали в столовой по «прикрепленным» к ней карточкам, то у прилавка говорили: «Мне кашу за 40» или «Кашу за 60», платили небольшие деньги, и от их карточки отрезали нужные талоны. Каша за 40 – это примерно столовая ложка размазни с верхом, каша за 80 – довольно приличная порция. Не помню, сколько всего крупы полагалось в декабре 1941-го, может быть, двести граммов, то есть чуть больше, чем две полноценных порции каши на месяц. Но далеко не всегда карточки удавалось отоварить, нужно было ловить момент, когда привезут продукты. Однажды маме удалось по мясным карточкам получить требуху (кишки), должно быть, конские, не знаю точно. Их давали в тройном размере как менее полноценный по сравнению с мясом продукт. Не знаю, как мама сумела промыть и сварить их, это ведь не чайник вскипятить, таганком и бумажками не обойдешься. Запах в доме стоял довольно противный даже по тем временам. По сахарным карточкам как-то удалось получить соевые конфеты «Конек Горбунок», темно-коричневые, в потемках похожие на шоколадные. Они показались волшебными вкусными, и мы уверяли себя, что они очень сытные и полезные. Эти удачи запомнились, потому что их было мало. Часто талоны просто пропадали. При этом считалось, что нам еще повезло, потому что наш Выборгский район - рабочий и якобы снабжается лучше, чем, напри-

мер, Петроградский, где, как говорила мама, живут в основном старушки-салопницы, то есть «бывшие». Кроме продуктовых карточек были промтоварные, по которым должны были выдаваться керосин, мыло и еще что-то. Выдавали еще и табачные изделия, но я не знаю, всем ли взрослым. Во всяком случае, папа со своей категорией ИТР (рабочие и инженерно-технические работники) получал такие талоны. Незадолго перед войной он бросил было курить, а теперь снова начал, говорил, что после курева не так сильно есть хочется.

Пока мама ходила по своим делам, продуктовым и еще каким-то, должно быть, по МПВО, а может быть, навещала родных в дальнем Лесном, я оставалась сидеть в нашей темной комнатке, вернее, стоять у печки, если та была не совсем холодная. Я была в валенках, толстых рейтузах, которые мама соорудила из ватина, купленного ею до войны для своего зимнего пальто (воротник от которого я и таскала в бомбоубежище, пока мы туда ходили), в каких-то кофтах, а поверх всего была крест-накрест обвязана шерстяным платком. У меня появилась привычка, которая не нравилась маме: стоя спиной к печке, я раскачивалась вправо-влево, переступая с ноги на ногу. Когда мама меня одергивала, папа защищал, - мол, а чем же ей (то есть мне) заняться? Однако «топталась» я в основном тогда, когда родители были дома, потому что при них мне просто не оставалось пространства для более активных действий. Когда я оставалась одна, то старалась что-то делать, чтобы не так хотелось есть. Я либо слушала радио, либо устраивала короткую «экспедицию» в холодную светлую комнату. Там можно было пролистать приготовленные на топливо номера «Всемирного следопыта», поискать среди игрушек чего-нибудь интересного (а вдруг что съедобное попадется вроде тех орехов) или просто подойти к окну и поглядеть на пустынную снежную улицу. Иногда я просто мечтала. Мне хотелось, чтобы все стало, как было до войны, хотелось тепла, голубого неба, общения с другими детьми. «Небо голубое, небо голубое, - бормотала я - а в небе облака». Так ведь это начало стихотворения! А дальше как? «Небо голубое, а под ним течет река!» И дальше картинка начала разворачиваться перед глазами, благо полутьма комнаты позволяла не отвлекаться ни на что другое. В воображении возникло действующее лицо - рыбак в лодке. Взяв тетрадку из набора, приготовленного с лета для первого класса, я уселась за стол и начала в этих потемках выводить по клеточкам буквы на середине страницы:

*Небо голубое,
А в небе - облака.
Небо голубое,
А под ним течет река.
В реке плывет челночек,
В челне рыбак сидит...*

Место на странице кончилось. Я перевернула лист и бодро продолжила:

*Сидит он и горюет
И рыбку не удит.
«Сорвалась моя рыба -
Сказал себе рыбак, -
Сорвалась и уплыла,
И не достать никак».*

Потом я обвела написанное рамкой, а на оставшемся вокруг рамки месте цветными карандашами нарисовала бледно-голубое небо с белыми облаками, густо-синюю реку в зеленых берегах и желтую лодку с рыбаком в клетчатой кепке. Рыбак получился мелким и невыразительным, поэтому я для верности нарисовала его и на другой стороне листа, покрупнее. Теперь рыбак горевал вполне убедительно и левой рукой, похоже, утирал слезы, не выпуская весла из правой руки. Видимо, осознав безнадежность вторичной поимки рыбы, он положил смотанную удочку на корму лодки. Эта сторона рисунка осталась не раскрашенной, наверно, к тому времени вернулась мама. Рисунок этот мамиными заботами сохранился, иначе я едва ли смогла бы так подробно его описать. Но сам процесс сочинения стихов про голубое небо, стол, тусклый свет от форточки слева - все это осталось в памяти. Однажды в отсутствие мамы к нам пешком из Лесного пришла тетя Вера. Наверно, именно тогда она пригласила нас придти к ним в Лесной на Николин день (об этом походе надо рассказать отдельно) и принесла мне подарки. Два подарка были чисто «девчоночьи» и большого восторга у меня не вызвали. Одним из них был маленький альбом для стихов в сером коленкоровом переплете с вытисненной розой, на первой странице которого была надпись: «Тетя Вера Николаевна дарит Оленьке альбом, просит помнить тетю славну, поминать всегда добром». (Вот, не забыла же я, все помню, милая Верочка, и поминую тебя добром, и сейчас, когда пишу, - плачу). Альбом я использовала по назначению гораздо позже, в пятом классе. Другим подарком был пластмассовый браслет-змейка («скажи папе, пусть он положит в горячую воду и сделает тебе по руке»). Куда интереснее были другие подарки, надолго занявшие весь мой досуг - три настольных игры типа «сделай сам»: «Катание на санках», «Катание в зоосаду» и «Плетение ковриков». Оба «катания» представляли собой оригами: из бумаги надо было по образцу согнуть-сложить фигурки спортсменов и разных типов спортивных саней (тогда я впервые узнала слово «бобслей»), а также тигров, слонов и других зверей. Оригами меня не очень увлекли, главным образом потому, что для готовых изделий нужно было много места, а у нас тут был совсем маленький стол. А вот к плетению бумажных ковриков я пристрастилась. Для работы с ними не требовалось много места и света. Их можно было плести, слушая радио. Маленькие пестрые плетеночки с красивыми узорами стали хорошими закладками для книг, и иногда они до сих пор обнаруживаются в наших старых книжках.

Когда возвращалась мама, мы съедали что-нибудь вместе. Иногда

это был суп из дрожжей, который в некоторых столовых можно было получить без карточек - мутная подсоленная вода с запахом дрожжей, но все-таки не просто вода. Съедали вторую треть хлеба. А потом мы ждали возвращения папы. Вечером все доедали свой хлеб и ложились, тщательно укутываясь всем, чем можно - я на свой диванчик, папа с мамой на свое ложе.

При мне родители никогда не показывали, что встревожены, что не знают, как быть, как спастись. А когда я, как они думали, засыпала, они сразу начинали шептаться; прорывались все их родительские заботы и страхи. Они каждую ночь спорили и торговались, кому из них важнее остаться в живых, а кому, соответственно, надо перестать есть. Каждый, конечно, предлагал в жертву себя. Но об этом я догадалась (да мама и сама потом проговорила), только став взрослой. А тогда я просто смутно чувствовала, что происходит что-то неправильное, жуткое, противное, в чем я как-то виновата, и мамин срывающийся на плач полуслепый тоже был мне противен. Я начинала ненавидеть не немцев, не войну, не сложившуюся ситуацию, а самых дорогих мне людей, особенно более слабую и паникующую маму! Я про себя кричала маме: «Перестань, перестань!», беззвучно выла, корчилась, меня всю трясло, пока я не засыпала. А наутро рядом со мной снова были спокойные, уверенные взрослые, и я их по-прежнему любила, и начинался день, который надо было прожить, на что и уходили все силы этого дня. Но вечером все повторялось. Много лет я, стыдясь этой своей ненависти, старалась задавить самое воспоминание о ней и преуспела в этом. А теперь, когда снова начала подробно вспоминать то время, я вспомнила и про это чувство и стала разбираться в нем. Я поняла, что ненависть эта была к бессмысленности угаданной мною жертвенности, к ее очевидной неумелости. И мне стало легче, отпустили стыд и чувство вины перед мамой, терзавшие подсознание.

Рашид АЛИЕВ

Отрывки из книги «Блокадно-фронтовой роман»

Нас было восемь

В начале мая 1941 года, перед тем как поехать на дачу, родители справили мой день рождения. Я пригласил своих друзей, тех, кто жил по соседству или учился со мной в одном классе. Мама и бабушка накрыли стол, приготовили много вкусных блюд, купили пирожных и лимонада.

Было очень весело, мы читали стишки, пели песни, играли в жмурки и фанты, наслаждались лакомствами. И никто не предполагал, что очень скоро лакомством покажется кусочек хлеба из жмыха, опилок, немножко сдобренных мукой, и студень из столярного клея.

Нас было восемь детей, от девяти до десяти лет, три девочки: Аннушка, Верунчик и Машенька, и пятеро мальчишек: Коля, Вася, Миша, Марик и я. Все мы веселились, радовались начавшимся летним каникулам, и никто не мог представить, что пройдет немного времени и наша жизнь станет адом. Верунчик не хотела учиться на врача, потому что боялась покойников, будет спать рядом с умершими родными, не обращая на них внимания, а Аннушка заживо сгорит в своем доме...

Я нарочно перечислил имена моих друзей, потому что хочу рассказать, как сложилась их судьба в эти тяжелые дни, так похожая на судьбы тысяч детей блокадного Ленинграда.

КОЛЯ

22 июня началась война. Очень скоро немецкая армия подошла к Ленинграду и плотным кольцом окружила город. Фашисты сразу стали бомбить и подожгли Бадаевские склады, где были сосредоточены почти все запасы продовольствия. Зарево от пожара было видно далеко,

и люди плакали, смотря на эту ужасную картину. Всем было страшно за себя и особенно за детей...

Мы, дети, вместе со взрослыми добирались до пепелища, собирали землю, пропитанную горелым сахаром и дома пили с блаженством сладкий чай. Сахар растворялся в кипятке, а земля оседала на дне стакана.

Наступил тяжелый голод. Нормы хлеба с каждым днем урезали и достигли 125 г на человека. Хлеб состоял из жмыха, отрубей, немножко добавлялось кукурузной муки и, наверное, речного песка, когда хлеб кушали, – он хрустел на зубах. Мать отоваривала хлебные карточки в магазине, выстояв большую очередь, и поровну делила на все семейство. Нашу с братом долю она делила еще на четыре и выдавала эти кусочки в определенные часы. Мы с братом все время смотрели на часы, и как только время подходило, просили мать выдать положенную порцию.

Голод продолжал наступать. В городе исчезли все кошки и собаки – их съели люди, а самое ужасное, в городе не стало птиц, это еще больше удручало людей.

У Кольки от голода умерли мать и сестренка. Они с дедом остались одни. Однажды, еле передвигаясь, дед пошел в магазин отоваривать карточки. Когда он стоял за хлебом, продавщица пожаловалась, что магазин одолели крысы. Тут деду пришла в голову спасительная мысль – а что, если их отлавливать и есть! С разрешения администрации продмага он изготовил и начал ставить капканы, отваривал крыс и ел вместе с Колькой. Это спасло их от голодной смерти. Кольке дед говорил, что ловит птиц. Затем они немножко окрепли и, при первой возможности, эвакуировались по Ладожскому озеру на Большую землю.

После войны я встретил Кольку. Он рассказал, что в эвакуации дедушка вскоре умер, а моего друга отправили в детский дом, где после войны его разыскал отец, вернувшись с фронта. После школы Колька поступил в ветеринарный институт и закончил его. «Вероятно, крысиное мясо привило мне любовь к животным», – грустно шутил он.

Историю про то, как благодаря крысятине, дед спас его от голодной смерти, рассказала Кольке моя бабушка. Оказывается, с ней этим поделился дедушка. Колька, конечно, тоже догадывался, но предпочитал об этом не думать.

Ленинградцы, даже те, кто по состоянию здоровья не могли служить, просили военкомов отправить их на фронт. Армия мужественно защищала наш город. Сколько его защитников погибло, особенно, на Невском пятачке, прорывая блокадное кольцо. Это святая земля. Теперь мы знаем, что в мире нет места, где земля столь обильно пропитана кровью.

Наш сосед, дядя Ваня, хромой, несколько раз ходил в военкомат, просился на фронт. Мы, дети, хотели над ним и говорили: какой же ты, дядя Ваня, солдат, если ходишь, как утка.

АННУШКА

Наступила тяжелая холодная зима, квартиры не отапливались, замерз водопровод, приходилось ходить за водой на Неву. Там кололи лед, на

санках везли домой, топили лед у буржуйки, так называли временные печки из железа, и полученную воду пили. Я тоже ходил с матерью и на саночках таскал кусочки льда. Нева спасала ленинградцев от жажды.

На Неву ходили мы все. Мать говорила: «Нужно ходить, пока ходишь – живешь».

Мы всей семьей жили в самой маленькой комнате. Ее было легче отапливать. Там стояла буржуйка. Топили ее чем попало - мебель, книги, обгоревшие чурки, собранные в разбомбленных домах. Спали мы, прижав к туловищу согнутые руки и ноги, как кошки калачиком, чтобы меньше терять энергии. После войны я еще долго не мог лежать, вытянув ноги.

В нашей комнате висела черная тарелка – радио. Передавали музыку, песни, последние известия о положении на фронтах. Ольга Берггольц читала свои стихи, а диктор Мария Петрова – сказки. Когда передачи прерывались, включали метроном. Радио заставляло нас жить, бороться за выживание, а звук метронома мы воспринимали как сердцебиение города. Стучит – значит, город живет, и нам нужно жить. Низкий поклон работникам блокадного радио! Они помогали нам выжить. Светлая память Марии Петровой, она своими сказками заставляла нас на время забыть о голоде. Мы, дети, не пропускали ни одной ее передачи.

Когда по радио объявляли сигнал воздушной тревоги, мы спускались в бомбоубежище. Я всегда брал с собой бидончик с невской водой. Многие ленинградцы во время бомбежек оставались дома, считали, что, если бомба попадет в дом, бомбоубежище не поможет, ведь это все-навсего подвал.

Однажды по сигналу «тревога» мы спустились в бомбоубежище. Началась бомбежка, все почувствовали сильный удар. Задрожали стены и потолок и, казалось, вот-вот все рухнет и придавит нас. Этого не случилось, бомба угодила в соседнее здание. Когда бомбежка закончилась, и мы вышли на улицу, увидели - от дома осталась только одна стена на втором этаже. В нише обнаружили два обгоревших трупа, прижавшихся друг к другу - пожилого мужчины и девочки-подростка. Когда их сняли со стены, то на груди у мужчины обнаружили паспорт, его сберегла своим телом внучка – моя подружка Аннушка. Узнав об этом, я навзрыд заплакал, вспоминая, как она, белокурая, с голубыми глазами, сидела на моем последнем дне рождения и танцевала, приподняв ручками подол своего платья. Мне она очень нравилась.

Аннушка мечтала стать артисткой. Еще сегодня утром мы вместе гуляли в нашем дворе. Она лукаво улыбалась и смеялась, а я не предполагал, что через несколько часов ее не станет. Мать, увидев как я переживаю, увела меня домой. Похоронили Аннушку с дедом в братских могилах.

МОЯ СЕМЬЯ

Выжили мы благодаря бабушке. Она пережила голод в гражданскую войну и всегда делала запасы дешевых круп, сушила сухари из недоеденного хлеба, собирала и отдавала молочнице. Перед войной молоч-

ница заболела, и накопился мешок сухарей, а еще грядка картошки, посаженная ею на даче, очень выручила нас.

Все это помогло нам выжить. Нам давали по сухарику в день, мы их мочили и ели. Из картофельных очисток мать делала оладьи, до сих пор мне противен запах картофельных оладий.

Моя мать работала врачом в больнице, где медицинским работникам выдавали раз в день порцию баланды. Часть порции она приносила домой, и мы делили ее поровну.

Мать устраивала соседей и знакомых в больницу, и это многим дало возможность выжить. Она говорила, что все болезни покинули ленинградцев, осталась одна – дистрофия. Постоянно хотелось есть, и однажды мы, дети, наелись трухи гнилого дерева – потом у всех началась рвота.

В моей памяти запечатлелся один случай. Произошло это зимой, в самый разгар голода. Мы с моим старшим братом гуляли вдоль набережной Фонтанки, шли в сторону Калинкина моста. Вдруг услышали гул. Обернувшись, увидели низко летящий немецкий самолет, видно было даже лицо немецкого летчика. Мы испугались. Ему ничего не стоило дать автоматную очередь и нас бы не стало. Вместо этого он улыбнулся, помахал нам рукой и бросил на набережную небольшой пакетик. Когда самолет улетел, мы подбежали к пакету, от удара о землю он развалился, и мы увидели четыре плитки шоколада. Плитки разломались, и кусочки шоколада рассыпались по земле. Мы собрали весь шоколад. Я хотел попробовать, но брат предупредил, что он может быть отравлен. Мы долго спорили, кому первым пробовать, каждый хотел быть первым, чтобы уберечь брата от смерти. Наконец мы кинули жребий – первым выпало пробовать старшему брату. Он проглотил кусочек шоколада. Я заплакал: мне было жалко его, что он может умереть, но время шло, а он умирать не собирался. Тогда я тоже попробовал кусочек. Мы собрали все крошки шоколада с земли и понесли домой. Это было большим подспорьем для нашей семьи.

ВЕРОЧКА

Наступил Новый год. Мать сварила студень из столярного клея, сдобрив его лавровым листом, перцем и остатками сухого чеснока, а утром позвала свою подругу – соседку, мать Верочки. Вместо вина они выпили из хрустальных бокалов чай и закусили студнем.

- Какой вкусный студень, - сказала соседка, - Надо же - ты настоящая кулинарка! Из ничего приготовила такую вкуснятину. У меня сохранилась целая пачка клея. Как я не догадалась, сегодня же сварю студень.

Мать дала ей лавровый лист, перец и остатки чеснока, и предупредила:

- Клея клади немного и дай хорошенько застыть.

Вечером Верочка отправилась к своей тете, которая пообещала решить ей пальто из своего старого. Они засиделись, возвращаться было боязно, и Верочка осталась ночевать у тетки. Когда на следующий день она возвратилась домой, то пришла в ужас: отец, мать и братишка ле-

жали на полу и корчились от боли. Выяснилось, что соседка сварила студень и, видимо, слишком много положила клея. Как раз с работы вернулся муж и они, не дождавшись пока студень застынет, выпили его горячим. Клей застыл у них внутри и вызвал кишечную непроходимость. Все трое умерли. Верочка осталась одна. Мать посоветовала никому не говорить о смерти родных и пользоваться их продовольственными карточками до тех пор, пока об этом не прознают в жилконторе. Умирало так много ленинградцев, что даже соседи уже не замечали, кто живой, а кто умер.

Мать и Вера перенесли покойников в ванну – морозы стояли дикие. Верочка одна осталась в трехкомнатной квартире с покойниками в ванной - это ее не пугало, хотя до войны она боялась даже дохлой мыши. От голода у людей остается только инстинкт выживания.

Вера жалела свою тетю и подкармливала хлебом, который получала по карточкам умерших родителей.

Так они перезимовали и выжили за счет этих карточек.

Наступила весна, Вера открыла окно и, облокотившись на подоконник, смотрела на озаренную весенним солнцем улицу. Вдруг она почувствовала, что сзади кто-то стоит. Она машинально обернулась и увидела родную тетку с топором, готовую ее убить. Когда взоры их встретились, топор выпал у нее из рук, она заплакала и убежала.

Вера, вся дрожа, прибежала к нам и все рассказала. Мать стала ее успокаивать, оставила у нас на ночь, а утром отвела в больницу, оттуда Веру эвакуировали на Большую землю. Верочка выжила и после войны жила у тети, вплоть до замужества. Она простила тетю, считая, что от голода та лишилась ума.

МАРИК

Наступила весна. Мы с Мариком, Васей и Петей пошли пешком на Марсово поле, чтобы собрать липовый лист, но, к нашему удивлению, все липы были голые, кто-то до нас их обобрал. Мы погуляли в Летнем саду и были опечалены - нигде в городе и даже в Летнем саду мы не увидели ни одной птицы. Они покинули голодный город.

Весной голодные ленинградцы с детьми вышли на улицы, чтобы очистить город от мусора, накопившегося за долгую зиму. Когда пустили первый трамвай, люди радовались этому событию, как празднику. Мы с Мариком и Верой тоже пошли на Невский, чтобы посмотреть на это диво. По радио из филармонии передавали Ленинградскую героическую симфонию Шостаковича. Слушая ее, бабушка произнесла:

- Если зазвучала филармония, значит, город жив и будет жить.

Но блокада продолжалась. Мне на всю жизнь запомнился день, когда мы с Мариком и моим старшим братом шли по Дворцовой площади. Начался обстрел. Объявили воздушную тревогу. Бежать было некуда, и мы легли на землю. Вдруг раздался взрыв, бомба попала в здание на углу Невского и улицы Гоголя, разрушив угол дома. После войны этот дом восстановили, но без угла. Взрывная волна прошла по Невскому и

вышла на Дворцовую площадь, изранив осколками Александрийскую колонну, но не повалив ее. Мы подняли голову и увидели бегущего в сторону Невского морячка без головы. Он пробежал несколько десятков метров и упал.

Люди за хлебом занимали очередь вечером, чтобы уже в 6 часов утра получить свою пайку. Дедушка Марика оделся и пошел занимать очередь в магазин. Было уже темно, только полумесяц тускло освещал улицы. Дорога в магазин проходила около полуразрушенного дома. Вдруг дед почувствовал, что ноги его отрываются от тротуара. С окна второго этажа на него накинута петля и тянули вверх. Дед закричал, прося о помощи. На его счастье по этой улице шел милиционер. Он подбежал и изо всех сил дернул дедушку за ноги. Вероятно, бандит был слаб, запутался в веревке, вместе с ней вывалился из окна и упал замертво на тротуар.

Милиционер недавно прибыл с Большой земли, был полон сил. Ему удалось задержать сообщника. При обыске у него обнаружили части человеческих тел. За людоедство он был расстрелян.

Дед пришел домой в тяжелом нервном потрясении, он весь дрожал и первое время ничего не мог объяснить Марике, до тех пор, пока внук не напоил его горячим чаем. После такого стресса дедушка вскоре помер.

У Марика отец погиб на фронте в первые дни войны, а мать умерла еще в мирное время. Моя мать устроила его в ремесленное училище при заводе. После окончания их эвакуировали в Свердловск, где он работал на военном заводе. После войны он возвратился в Ленинград, окончил институт и стал директором этого завода.

ВАСЯ

Дорога жизни дала возможность немного увеличить норму питания. Кроме хлеба стали выдавать масло, американский шоколад, крупу, но этого все равно было недостаточно, голод продолжался. Весной мы с Васей и Петей в Юсуповском саду собирали крапиву, из которой матери варили щи, конечно, без мяса – просто на воде. Тогда нам казалось это варево очень вкусным.

Вася остался один: мать и бабушка умерли от голода. Еще до их смерти моя мать устроила Васю в больницу. Так он и не видел, как умерли его мать и бабушка. Через военкомат сообщили отцу в воинскую часть. С согласия военного начальства отец доставил Васю в свою часть - так он стал сыном полка. Отец погиб в бою. На глазах у сына он пал от шальной пули. После войны Вася окончил военное училище и стал кадровым офицером, как его отец.

МАШЕНЬКА

Трагически сложилась судьба Машеньки. Она с бабушкой оформили документы на эвакуацию, и завтра должны были уехать на Большую землю. Рано утром пошли в магазин, отоварить карточки. Больше их никто не видел. Говорили, что их убили, отняли карточки и, вероятно,

стели. Будто дворничиха опознала бабушку по найденной на помойке голове с вырезанными щеками. Тело Машеньки так и не нашли.

Каннибализм в блокаду пресекался очень строго, за это расстреливали без суда. Поэтому это было редкостью, но отдельные случаи имели место.

ПЕТЯ

Наконец Ладога очистилась ото льда, началась эвакуация истощенного населения. Под покровом ночи нас на баржах перевозили на Большую землю. Мы должны были ехать в одной барже с семьей Пети, но они отстали и их погрузили на другую баржу. Начался обстрел немецких самолетов. Бомба попала в баржу, где ехала семья моего друга Пети, все они погибли. Так что ленинградцы похоронены не только в братских могилах, но и в пучине Ладожского озера. Светлая им память.

Так сложилась судьба моих друзей, еще недавно мечтавших о счастливом будущем. Они не могли представить, какие муки ада им предстоит испытать.

Несмотря на нечеловеческие трагедии, которые пережили ленинградцы, город выжил. Даже голодные они продолжали трудиться на фабриках и заводах города, ковали оружие для победы над врагом.

Невыдуманная история

Одиночество – большая проблема, особенно, в пожилом возрасте. Одни – общительные люди – быстро знакомятся, находят друзей, другие замыкаются в себе. Жизнь их становится невыносимой. В Сестроречке как в любом маленьком городе люди больше общаются друг с другом, и при встрече на улице часто здороваются. Когда увидишь сестроречанина далеко от дома, то радуешься так, как будто встретил дорогого друга или родственника.

Однажды прогуливаясь по городу, я заметил одинокую женщину, с которой мы всегда приветливо раскланивались. Лицо ее было постоянно грустным, а глаза выражали печаль. Мне было неловко вступить с ней в беседу и узнать, что терзает ее душу, но однажды она по направлению терапевта пришла ко мне на прием. После осмотра она села напротив меня. Теперь я мог детально рассмотреть ее лицо. Оно было приятным, даже морщинки придавали ему какой-то гордый вид. И я подумал, что если бы немного косметики и улыбку, то любой мужчина смог бы влюбиться.

– Можете радоваться, опасения были напрасными, у Вас все в порядке, – сказал я.

– Спасибо, – как-то безразлично произнесла она.

– Почему Вы не радуетесь, хоть бы раз улыбнулись, такое впечатление, что Вам безразлично Ваше здоровье!

– А что мне радоваться? Вы не можете себе представить, как тяжело одиночество, особенно, когда ты на пенсии. Утром встаешь, и целый день не с кем словом обмолвиться. Я человек необщительный,

друзей у меня не было, а в пожилом возрасте обзаводиться друзьями очень сложно.

Помолчав, она продолжила:

– Закончила я фармацевтический институт и всю жизнь проработала в аптеке. Зарплата была маленькая. Да еще тяжело больная мать. Приходилось совмещать, а это значит работать с утра до вечера.

Женщина прервала свой рассказ, и, посмотрев мне в глаза, сказала:

– Извините меня, я своей болтовней отвлекаю Вас от работы.

– Напротив, я с удовольствием Вас слушаю.

– Спасибо, доктор, мне хочется кому-то выговориться, – она поудобнее устроилась на стуле, тяжело вздохнула и продолжила свою печальную повесть.

Рассказала, что с мужем познакомилась в институте, они учились на одном курсе. Когда она вспомнила, как он нежно ухаживал, дарил цветы, лицо ее озарялось, и впервые я заметил чуть промелькнувшую улыбку. Предо мной теперь была совершенно другая – привлекательная женщина.

– Мой будущий муж был красив собою. Все однокурсницы были влюблены в него, но почему-то он выбрал именно меня, хотя во многом я уступала моим соперницам. Когда он сделал мне предложение, – продолжала она, – Я не могла поверить своему счастью. Вскоре мы поженились, а через год я забеременела. Мне казалось, ничего не может помешать нашей семейной идиллии, но все вдруг в одночасье рухнуло – началась война. Мужа в первые же дни мобилизовали и отправили на фронт. Первое время от него часто приходили письма, я перечитывала их по несколько раз в день. Потом письма перестали приходить. Я переживала, молила Бога уберечь его от смерти, заставляла себя думать, что из-за военных действий почта не работает... Но Бог меня не услышал, мне принесли похоронку. Что было дальше – не помню. Как мне потом рассказали в больнице, у меня началось кровотечение, и я потеряла сознание. Врачи старались сделать все возможное, но ребенка спасти не удалось, и больше детей я иметь не смогу.

Она замолчала, достала голубой платочек, вытерла слезы, и, сделав паузу, продолжила:

– После войны многие, которых считали без вести пропавшими или погибшими, возвращались домой. Я тоже долго надеялась, все мечтала, как в один прекрасный день откроется дверь, и я увижу своего любимого мужа, но так и не дождалась. До сих пор на комодѣ стоит его портрет. Иногда я сажусь напротив него и разговариваю с ним, прошу, чтобы он попросил Бога прибрать меня к себе, – грустно сказала она.

– Я пережила блокаду. Сестрорецк был пограничным городом, и нас переселили в Лисий Нос. Мама умерла от голода. С Лисьего Носа я на саночках тащила ее до Горской, завернутую в простынь. Сама выкопала могилу и похоронила ее. Собрав последние силы, еле смогла закопать могилу, обессиленная легла на могилу и отключилась. На мое счастье, мимо меня проходила женщина. Она пришла на могилу своей ма-

ленькой дочурки, на сороковой день как погибшей от осколка разорвавшегося снаряда. Сначала она подумала, что я мертвая, но когда я шевельнула ногой, подняла меня, отвела домой, напоила чаем из каких-то трав. Благодаря ее усилиям отошли мои отмороженные пальцы. Она предложила мне остаться с ней жить, делилась со мною небольшими запасами картошки, моркови и сушеных трав и этим помогла мне выжить. В один из ненастных дней в наш дом пришло несчастье: почтальон принес моей новой подруге извещение о героической гибели ее мужа. Она не могла пережить такого горя. Еще была свежа боль по гибели дочери, и вдруг вторая потеря. Она слегла, перестала есть, а потом, несмотря на все мои мольбы, отказывалась и от воды. Могла часами глядеть то на портрет мужа, то на фотографию дочери, и что-то невнятно шептала. Через несколько дней ее не стало. Я похоронила ее рядом с дочерью и до сих пор хожу на их могилы, поставила ей с дочерью и моей матери памятники. Маленькие запасы вскоре кончились, и когда я совсем «дошла» от голода, меня устроили в Разливскую больницу. Порой я думаю, лучше бы тогда умерла и не мучилась сейчас в одиночестве.

Я попытался убедить ее, что из любой тяжелой ситуации есть выход. Например, завести себе друга: собаку, кота или другую живность. Это общение, забота и ответственность. В иной мир никогда не поздно уйти, а возвратиться невозможно. Черная полоса в жизни всегда сменяется белой, поэтому нужно ждать и надеяться.

Она поблагодарила меня за возможность излить душу, извинилась, что отняла мое время, слегка улыбнулась, попрощалась и вышла из кабинета.

Прошло время. Мою грустную пациентку я давно не видел и как-то позабыл о ней.

Однажды, задумавшись, я возвращался с работы. Со мной весело поздоровалась какая-то женщина, в которой я с трудом узнал свою грустную пациентку. Она на поводке вела двух собачек.

– Неужели эти песики изменили вашу жизнь? – спросил я.

– Вы не можете себе представить, – сказала она, – но, наверное, да, особенно он... И женщина указала рукой на невзрачную дворняжку.

– Я впервые вижу Вас улыбающуюся, элегантно одетую, и мне поскорее хочется узнать о чуде, которое совершил песик.

И она рассказала мне историю, круто изменившую ее жизнь:

– Однажды, поздней осенью, чтобы хоть как-то развеяться, я решила прогуляться по берегу Ермоловского пляжа, в Курорте. Перешла мостик около больницы и вышла к железнодорожному полотну. Вдруг на рельсы приближающейся электрички выбежала собака и остолбенела, то ли от неожиданности, то ли от гудка, который дал машинист... Я подбежала, схватила ее за хвост и потянула с такой силой, что мы вместе кубарем покатались в сторону. Электричка промчалась мимо.

Ко мне подошла женщина, подняла, посадила на пенек и дала мне выпить лимонада.

– Разве можно так рисковать жизнью ради бездомной собаки, – молвила она и прогнала собаку, которая лизала мою ушибленную ногу.

– К счастью, я отделалась только ушибами, и, поблагодарив женщину, направилась домой. Подойдя к парадной, заметила, что песик следовал за мной. Он подошел ко мне, снова стал лизать ушибленную ногу, и с грустью в глазах посмотрел на меня. Вспомнив наш с Вами разговор, я решила, что кобелек послан мне Богом. Он оказался послушным и умным псом, а у меня появилась забота... Я не утомила Вас своим рассказом? – вставила она.

– Нет, напротив, я внимательно слушаю Вас, и мне интересно, почему у вас две собаки, – сказал я.

Она поправила платок и продолжила:

– Весной следующего года я пошла на кладбище в Горской, чтобы убрать могилки матери и блокадной подруги. Взяла с собой Жульку, так назвала я кобелька. Прибрав могилку, направилась к выходу. Вдруг Жулька вырвался и побежал совершенно в другую сторону. Стала звать его, но он не обращал внимание на мои команды.

– Какой ты стал непослушный, – подумала я, – Ты можешь потеряться среди могил.

Но услышав его лай, направилась к тому месту. Вскоре я увидела его в обществе красавицы болонки. Она тоже лаяла, как будто прося о помощи. Подойдя поближе, я заметила пожилого мужчину, облокотившись на ограду могилы, стонал, прижимая руку к сердцу.

– Вам плохо? – спросила я, подойдя поближе, – Чем могу Вам помочь?

– Пришел на могилу жены, перенервничал, почувствовал боль в сердце, а лекарства забыл дома. Если Вам не трудно, я живу рядом с кладбищем, в голубеньком доме, принесите, пожалуйста, таблетки, они в тумбочке в спальне, – с трудом проговорил он, подавая ключи.

– Я быстро привязала собак к ограде, и побежала к нему домой. Там я вызвала скорую помощь. Нашла коробочку с лекарствами. Возвратившись на кладбище, дала ему выпить лекарства и побежала к выходу встречать «скорую». Врач сделала укол и предложила лечь в больницу. Мужчина стал отказываться от госпитализации, ссылаясь, что он живет один, и не с кем оставить собачку.

– Не беспокойтесь, – ответила я, – пока вы будете находиться в больнице, я возьму собачку к себе, и если вы мне доверите, то буду поливать ваш огород.

– Потом навещала его в больнице почти ежедневно, приносила ему вкусенького. К счастью, все обошлось благополучно, хотя вначале у него оказалось предынфарктное состояние. После выписки, в знак благодарности, он пригласил меня в кафе. Я впервые за много лет сделала в парикмахерской прическу, купила новые блузку и юбку. Как влюбленная девчонка вечером отправилась в кафе. Он ждал меня у входа с большим букетом роз. В кафе мы выпили по бокалу шампанского, и он пригласил меня на танец. Сначала я отнекивалась, ведь столько лет не

танцевала, но он так упрашивал, что я не могла ему отказать.

Мне он понравился своей внимательностью и добротой. Он чем-то напоминал моего мужа. Мне хотелось его увидеть, сделать ему что-то приятное. Я не могла дождаться очередной нашей встречи. Вскоре он сделал мне предложение, и я стала его женой. Теперь стала самым счастливым человеком на земле, часто вспоминала Ваши, доктор, слова: «Из всякой тяжелой ситуации всегда есть выход, черная полоса в жизни всегда сменяется белой».

Мы только попрощались, как к нам подошел седой, приятной наружности мужчина.

– Ты куда запропастилась, я уже стал нервничать, не случилось что с тобой? – спросил он.

– Я встретила моего любимого доктора. В разговоре не заметили, как прошло время... Познакомьтесь, это мой муж, Николай Дармидонтович, – представила она его.

– Мне очень приятно познакомиться с человеком, осчастливившим мою пациентку.

Мы еще немного поговорили и разошлись. Я долго смотрел им вслед, пока эта пожилая счастливая пара и приплясывающие с ними рядом Жулька и болонка не скрылись из виду.

Николай ШЛИППЕНБАХ,
журналист, писатель

Сказка блокадного детства (стихотворение в прозе)

*Далеко, далеко отсюда,
Где зимуют птицы фламинго,
Где никогда не бывает снега,
Где ласково светит солнце,
А по ночам в небе загорается Южный Крест,
Там, на берегу Зеркального озера
Высится хрустальный замок.
В этом замке живет маленькая принцесса.
Она так хороша собой,
Что даже красавцы фламинго,
Нежась в водах Зеркального озера,
Подолгу любят ее,
Наблюдая за веселой игрой
Сквозь прозрачные стены замка.
Замок настолько прозрачен,
Что никогда не бросает тени.
Он никогда не закрывает солнца,
А только окрашивает его лучи
В розовые, зеленые и фиолетовые тона.*

*Да, он воздушен, мой замок.
Но я знаю, он не может рухнуть,
Как рушатся вокруг дома
От вражеских бомб и снарядов.*

Этот замок воздвигнут моей мечтой,
А мечта нерушима!
Она согревает меня,
Когда нечем топить «буржуйку».
Она помогает не думать о хлебе,
Когда не думать о нем невозможно.
Она спасает меня от обстрела,
Унося из стен осажденного города.
Стоит только пристально посмотреть
На дрожащее пламя коптилки,
Как в темном замерзшем углу
Появляются очертания замка...
Еще лучше смотреть на игру огня в «буржуйке».
Но после того как умер дедушка,
Мы топили ее всего один раз.
Мама бережет остатки шкафа
На самый, самый черный день.
Неужели дни могут быть еще чернее?
И так в черноту ушло все –
Комната, улица, город...
В окнах – фанера, и ни единого стеклышка,
Ни единого светлого лучика,
И нет, нет больше моего дедушки!

Однажды, во время обстрела
Взрывной волной вышибло оконную раму.
Так у нас неожиданно появились дрова.
Уродливую пасть проема,
До ломоты обжигавшую холодом,
Мы заткнули матрацем,
Заложили тряпьем
И завесили ковровой дорожкой.
А давно ли я на ней разыгрывал битвы
Оловянных солдатиков!
Это дедушка научил меня
Не просто попадать в них, как в мишень,
А брать Карфаген,
Или осаждать древнюю Трою.

Теперь, без дедушки,
Даже хрустальный замок
Появляется как-то нехотя.
Чаще коптилка вырывает из мрака
Лишь пустое дедушкино кресло.
Он любил сидеть в нем и читать.
Я расспрашивал его о мифах,

Старинных историях и легендах.
Они то и наполняли жизнь моего замка.
А медленная завораживающая музыка,
Льющаяся из репродуктора,
Обостряла воображение.

Вдруг музыка смолкла.
Завыла сирена, застучал метроном.
Ночью страшно на пятом этаже
Опустевшего дома.
Но спускаться впотьмах
По обледенелым от расплесканных ведер ступенькам?!
И мы перестали ходить в убежище.
Не раздеваясь, я ныряю в постель
И впиваюсь глазами в яркое пламя «буржуйки».
И вот, наконец, разлилось в тревожной ночи
Южное теплое солнце.
Хрустальные стены и башни,
Отражаясь в воде, засверкали
Многочисленными цветными огоньками.
Из замка в ослепительном белом наряде
Выходит маленькая принцесса.
Она очень похожа на знакомую девочку Дидю,
С которой мы играли в крокет
В последнее довоенное лето.

Перед принцессой преклоняет колена
Целая свита блестящих рыцарей.
Кого же из них на турнире
Долже буду повергнуть я?
Но почему так грохочут их латы? А-а! Мне мешают зенитки.
Я укрываюсь с головой и вижу как, грациозно изогнув шеи,
Фламинго приближаются к принцессе,
И слышу как учащенно, будто в такт метроному,
Бьется мое сердце...

С тех пор прошло много лет.
Время отдаляет от нас
Не только события, но и образы.
Оно стирает детали,
Обнажая костлявый, перекошенный от голода
Страшный лик блокады.
Он довлеет над хрупкими воспоминаниями детства,
Отравляя и искажая их.
Я несколько раз брался за перо
В надежде продолжить свою сказку.

Далеко, далеко на юге,
Где зимуют птицы фламинго,
Где ласково светит солнце,
А по ночам в небе загорается Южный Крест...
Но что это? Крест наплывает на меня,
Чернеет и заслоняет собой все пространство!
Огромный черный крест нависает над городом,
И опять взрывы бомб, вой снарядов, ужас смерти –
Все, от чего мне едва удавалось укрыться
За стеной детского воображения,
Начинает преследовать меня в мирной тишине.
И я не знаю, что случилось с моей принцессой.
Сказку, и ту изувечила война!

Оглавление

Вступление	4
<i>Юрий Мыльников</i> . И жизнью смерть была побеждена!	6
<i>Владимир Яковлев</i> . На сестрорецком рубеже	10
<i>Ольга Растворова</i> . Один год из жизни ленинградской девочки	24
<i>Рашид Алиев</i> . Отрывки из книги «Блокадно-фронтовой роман»	35
<i>Николай Шлиппенбах</i> . Сказка блокадного детства	46

Муниципальный совет
муниципального образования города Сестрорецка

БЛОКАДНЫЙ МЕТРОНОМ

Литературно-художественный сборник воспоминаний

Составители – *Я.Р.Храмцова, В.А.Соловьев*

Фото – *Я.Р.Храмцова*

Рисунки – *М.П.Пименова*

Верстка и дизайн – *Б.О.Калашников*

Корректурa – *В.В.Матвеев*

Допечатная подготовка – *ИП Кондратьева А.А.*

Отпечатано в типографии ООО «ТАРО»,
Санкт-Петербург, 197101, СПб, ул. Рентгена, д. 7, лит. А, пом. 12Н
Тираж 500 экз.

Составители благодарят за помощь в издании книги:
Муниципальный совет города Сестрорецка,
Главу муниципального образования –
Председателя Муниципального совета МО города Сестрорецка
А.В.ВИШНЕВСКОГО,
депутатов Муниципального совета города Сестрорецка 4-го созыва,
Главу местной администрации МО города Сестрорецка
Д.Г.ВОДНЕВА

Издания, выпущенные за последние годы при содействии Муниципального совета
муниципального образования города Сестрорецка